

БРИТАНСКИЕ СОЛДАТЫ РАССКАЗЫВАЮТ О БИРМАНСКОЙ КАМПАНИИ – ЧАСТЬ I

ДЖ. Р. МЭННИНГ ("J.R." MANNING)

Когда я оглядываюсь назад, на прошедшие годы, и вспоминаю через что пришлось пройти всем нам, служившим в 14-й Армии, я испытываю глубокую печаль, думая о тех трогательных и скорбных воспоминаниях, которые хранят ветераны Бирмы. Ведь, в конце концов, даже при самых добрых намерениях воспоминания спустя пятьдесят два года могут оказаться не вполне надёжными. Поэтому, прежде чем начать, я постараюсь объяснить и указать, на каком основании я рассказываю всё это.

До войны я служил в Бирманской полиции в Рангуне. Наш штаб находился на Могул-стрит — это был очень эффективный и хорошо организованный орган власти. Рангун — столица и главный порт Бирмы, первым сооружением, которое видели прибывающие сюда посетители, была знаменитая пагода Шведагон/Shwedagon. Город был окружён прекрасной зелёной сельской местностью, поблизости находились Королевское и Кокайнское озёра, сады Кантонмента, Зоологический сад, Ботанический сад и поле для гольфа в Мингалдоне/Mingaldon, примерно в 12–14 милях от Рангуна, которое тогда, а возможно, и сейчас, считалось одним из лучших на Востоке. Население города составляло около 420 000 человек (хотя в этом я не вполне уверен): индийцы, китайцы, бирманцы, [шаны](#) и другие народы. Климат был следующим: прохладно с октября по февраль, жарко с марта по май, сезон муссонов — с июня по сентябрь. Компания *Irrawaddy Flotilla* осуществляла пассажирские и грузовые перевозки между пунктами на внутренних водных путях. Денежной единицей была рупия, её эквивалент в фунтах стерлингов составлял примерно 1 шиллинг 6 пенсов.

Когда [Сингапур пал](#) под ударами японцев, мы поняли, что не пройдёт много времени, прежде чем следующей целью станем мы. Поэтому многие из нас записались в недавно сформированную 1-ю Бирманскую Дивизию, и после шестинедельной подготовки некоторые из нас были направлены в Моулмейн/Moulmein в южной Бирме, под командование генерала [Уэйвелла](#) (Archibald Wavell). В 1942 году японцы высадились у Виктория-Пойнт, самой южной оконечности Бирмы, — и остановить их было некому, абсолютно некому. Наши первые серьёзные бои с японцами произошли под Моулмейном. Хотя мы оказали очень сильное сопротивление, нам пришлось отступить через реку Салуин к железнодорожной станции Мартабан/Martaban. Мы оказались под очень сильными атаками наступавших японцев, в том числе и с воздуха. Несколько пароходов компании *Irrawadi* были потоплены во время переправы наших войск.

Находившихся в Бирме к началу боевых действий войск было совершенно недостаточно для ее обороны. Два боеспособных британских батальона — 1-й Батальон Глостерского/Glocester Полка (28-й Пехотный) и 2-й Батальон Полка Собственной Йоркширской Легкой Пехоты Короля/King's Own Yorkshire Light Infantry — понесли тяжёлые потери, а единственным соединением, которое все еще вело бои, оставалась 1-я Бирманская Дивизия. Мы были слабой подготовлены, плохо оснащены и совершенно не готовы противостоять японцам. В целом японцы были хорошо вооружены и оснащены. Британские войска почти с самого начала находились в значительном численном меньшинстве. Из Мартабана мы двинулись к реке Ситтанг — последнему естественному оборонительному рубежу перед Рангуном. На берегах этой широкой, полноводной и стремительной реки произошла одна из самых [ожесточённых, яростных и страшных битв](#) этой войны. Она велась с исключительным мужеством и самоотверженностью против очень сильного и бесчеловечного противника. Эти дикари [японцы - ВК] бросали в бой всё, что имели, но так и не смогли захватить железнодорожный мост. Этот единственный мост

оставался открытым, чтобы позволить 17-й Индийской Дивизии отойти. Однако из-за ужасного недоразумения мост был взорван преждевременно, когда почти вся дивизия ещё находилась на другой стороне реки. Мы так никогда и не узнали, кто был за это ответствен. Британские и индийские войска отражали неоднократные вражеские атаки днём и ночью, причём противник зачастую находился всего в нескольких ярдах от наших позиций. Когда всякая надежда была потеряна, многие солдаты попытались вплавь перебраться через эту могучую реку. Это обернулось страшной катастрофой и привело к огромным человеческим потерям.

Впрочем, пока я завладел вашим вниманием, я хотел бы сказать, что мне трудно выделить какое-то одно из многочисленных событий или происшествий, которые тогда происходили. Но то, что я считаю поистине выдающимся и великолепным, — это дух и мужество 14-й Армии, которая, несмотря ни на что, сражалась изо всех сил, буквально зубами и ногтями, против этих бесчеловечных дикарей. Я испытываю огромную гордость, и для меня именно это является настоящим духом ассоциации *Burma Star* — духом ветеранов Бирманской кампании.

Когда [Тоунгоо/Toungoo](#), Пром/Prom и Пегу/Pegu пали под ударами японцев, нам казалось, что судьба Бирмы уже решена. По приказу генерала [Александера](#) (Harold Alexander) огромный [нефтяной прииск в Йенангьяунге/Yenangyaung](#) был уничтожен, чтобы лишить японцев жизненно важного сырья. Буддийские священники в своих жёлтых одеяниях проявляли большой политический интерес к происходящему и активно помогали врагу, сообщая японцам данные о перемещениях британских и индийских частей и давая противнику возможность организовывать убийственные засады. Им помогали бирманские коллаборационисты. Теперь у генерала Александера не оставалось выбора, кроме как отступить в Индию с этой небольшой и плохо подготовленной армией, сформированной ещё до начала японского вторжения в 1942 году. Сам [генерал и весь его штаб фактически оказались «в мешке»](#) — в окружении за пределами Рангуна. Так начался тот тяжёлый и горький путь отступления, который предстояло пройти его недостаточно подготовленной и изнурённой дивизии. Нам приказали пробиваться в Индию и сохранять при себе оружие, чтобы защищаться от предательски настроенных бирманцев и японских снайперов, многие из которых, казалось, прятались практически на каждом дереве, тогда как на каждом холме находилось укрытое орудие. К тому же мы постоянно подвергались атакам с воздуха. Я никогда в жизни не видел такого количества людей самых разных национальностей, лежавших мёртвыми вдоль дороги, и сотен других, бежавших, спасая свои жизни. Это был настоящий хаос. Насколько я помню, [этот путь составлял 700–800 миль или даже больше](#) — точно сказать не могу. Никогда не померкнет память о мужественных людях, которые сражались и погибли, независимо от их звания или того, какую работу они выполняли. Лица, места, имена — всё это уже невозможно вспомнить.

Миллион маков, сброшенных с бомбардировщика *Ланкастер/Lancaster*, который с гулом прошёл по ясному голубому небу, падал на всех нас, словно капли ярко-красной крови, когда мы стояли в двухминутном молчании, отдавая дань уважения всем погибшим на Дальнем Востоке. Однако в последующие годы не должно возникнуть необходимости в горнах или духовых оркестрах, чтобы напоминать нам о клятве, которую они навсегда заслужили. В заключение я хотел бы сказать: известные и безымянные могилы всегда будут помнить, и никогда не забудут — они ушли из поля нашего зрения, но не из наших сердец.

<https://burmastarmemorial.org/archive/stories/1405945-the-burma-police-and-the-retreat-from-rangoon-jr-manning?q=>

ДОНАЛД МАККЕЙ (DONALD MACKAY)

Нижеприведенные воспоминания, написанные покойным преподобным Доналдом Маккеем, были опубликованы в 1960 году в журнале The Covenanter полка The Cameronians (Scottish Rifles).

«Они находятся в одной из групп LRP (Long Range Penetration – [Части Глубокого Проникновения](#)) в Центральной Индии, насколько я понимаю, падре,» — тихим голосом сказал бригадный майор. «LRP? Что это, сэр?» — спросил я. «О, это всё от [Уингейта](#) (Orde Wingate), знаете ли, — ответил он. — Совершенно секретно». У меня упало сердце. Две недели назад, когда поезд отправлялся из Читтагонга/Chittagong, я самодовольно сказал одному офицеру из 1-го Батальона Королевских Шотландцев, с которым мы провели два весьма жарких месяца [в джунглях Аракана](#): «Есть только один способ побить этих японцев. Нужно вообще уйти подальше от дорог, в том числе железных, посылать небольшие группы людей со своими собственными запасами продовольствия и боеприпасов глубоко в джунгли, прямо через их позиции, и да поможет Бог беднякам, которым придётся это делать!»

И теперь, похоже, божественная помощь вскоре могла понадобиться уже мне самому! Все надежды на несколько спокойных месяцев в казармах Ахмеднагара/Ahmednagar (*официально переименован в Ахильянагар в октябре 2024 года - ВК*) рухнули. «Следовать в Гхетеру/Ghetera,» — гласил приказ о передвижении. Но что такое Гхетера и где она находится? Никто никогда о ней не слышал — меньше всего железнодорожный служащий. Однако изучение самых дальних и малоизвестных разделов огромного железнодорожного справочника *India Bradshaw* позволило выяснить, что это была станция на какой-то малоизвестной ветке железной дороги в Центральных провинциях, куда раз в день ходил один местный поезд. В конце концов, примерно через 36 часов, вечером, я сошел с этого поезда на заброшенной станции. На многие мили вокруг простирались джунгли: грязная платформа, полуразвалившаяся станционная будка, несколько куч промокшего имущества, несколько грязных, недовольных и неряшливо выглядевших солдат в пробковых шлемах и ещё больше дождя и грязи! Лагерь представлял собой скопление грязных палаток. Я чувствовал себя совершенно подавленным и смертельно уставшим — и тут же выпросил себе двухнедельный, уже давно просроченный отпуск.

Вернувшись после прохладного горного воздуха, я уже был полон новых сил, и место это показалось мне не таким уж плохим. В течение двух месяцев *Камеронцы* осваивали новые методы подготовки, новое снаряжение и новые способы ведения действий — всё это в условиях страшной жары и под проливными дождями. Кроме того, они — не без потерь — пытались решить героическую задачу: убедить совершенно диких и неукротимых мулов проявить хоть какой-нибудь интерес к перевозке грузов и переправам через реки. На них также легли все трудности, связанные с масштабной сменой офицеров и личного состава, но несмотря на всё это их бодрость и находчивость оставались неизменными, и вскоре я понял, что оказался среди замечательной группы офицеров и солдат.

Следующий этап, должен признаться, был настоящей мукой — длительные марш-броски через джунгли. До этого я никогда не проходил пешком ни одного подобного марша, и знакомство с этим занятием оказалось убийственным. Мы начали примерно с 80-мильного перехода по пересечённой местности, через леса и джунгли, по ровным затопленным рисовым полям и твёрдым дорогам до Джабалпура/Jabalpur. Ноющие ноги, покрытые волдырями ступни, измученные плечи, мокрые ночёвки, размокшие галеты, кишащий долгоносиками изюм — как всё это возвращается в памяти! Вот что значит «закалка» — и ещё какая! Один вечер я до сих пор помню особенно ярко. Мы прошли почти 20 миль под проливным дождём. Ступни были покрыты волдырями, причём волдыри доходили до третьего слоя кожи, мышцы окоченели, словно железные прутья. В сумерках мы вышли к реке, сильно разлившейся из-за дождей. Мы разделись, и я пошёл вброд, держа все свое снаряжение на голове. Вода доходила мне до пояса, течение было очень сильным, а первые 30 ярдов дна были покрыты острыми, режущими камнями. Никакой японский палач

не смог бы придумать ничего худшего. Я, спотыкаясь, брёл вперёд и кричал от боли — капеллану ведь не положено открыто ругаться!

А что было на другом берегу? Глубокая, чёрная, скользкая грязь, в которую ты проваливался по икры ещё на протяжении 30 ярдов вверх по берегу. Затем — всю ночь проливной дождь, ни чашки чая и ничего, кроме промокшей подстилки и жалкого кустика в качестве укрытия. Я поклялся — ну, неважно, в чём именно! Конечно, были и более счастливые дни, особенно в джунглях на берегу огромной плотины Дукван/Dukwan, на реке Бетва/Betwa, недалеко от Джханси/Jhansi...

Чиндиты переправляются через одну из рек Бирмы...

Подготовка к переправам через реки, конечно, занимала большую часть нашего времени, и мулы постепенно становились более или менее послушными. Мы приучали их переправляться, давая им сено сразу после того, как они достигали другого берега. Со временем мы связали это действие со свистком: когда кто-нибудь свистел на противоположном берегу, мулы переправлялись туда за своей наградой — кормом. В конце концов некоторые из них научились переправляться самостоятельно, и однажды это привело к весьма забавному происшествию. Все мулы паслись на острове посреди реки. Вдруг в лагере дежурный сержант громко свистнул. Мулы наострили уши, и несколько голодных молодцов тут же бросились обратно в реку и галопом понеслись к дежурной комнате — как раз вовремя, чтобы попасть на построение нарушителей дисциплины.

В ходе заключительной командно-штабной игры — *Exercise Thursday* — в декабре мы показали очень хорошие результаты и получили высшие оценки от Уингейта и главного судьи за то, что имели две из лучших колонн сил специального назначения. Во всяком случае, что касается соблюдения тишины на марше, недопущения мусора, обучения мулов, следопытства, переправ через реки и устройства привалов, мы за очень короткое время научились чрезвычайно многому. Само это учение запомнилось прежде всего нашей встречей с западноафриканцами — нашим «противником». Они ловко устроили нам засаду, когда мы проходили через деревню, и то, что начиналось как дружеская потасовка,

едва не закончилось кровавым сражением, когда африканцы попытались отобрать у *Джоков/Jocks* — шотландских солдат — их винтовки.

Итак, после последнего осмотра загадочным Уингейтом мы были готовы выступить — сразу после Рождества. Я хорошо помню его последнее обращение к солдатам: оно было совершенно в его духе и совершенно не похоже на обычную «воодушевляющую речь» генерала перед боем. «Вы будете творить историю, — сказал он. — Об этом будут рассказывать, но помните: большинства из вас, возможно, уже не будет среди тех, кто будет об этом рассказывать». После семидневного, жаркого, унылого и пыльного путешествия на поезде через всю Индию мы провели два или три приятных дня на чайной плантации в Силчаре/Silchar, где нас с гостеприимством принял шотландский плантатор. Затем последовал кошмарный переход через холмы по дороге на Бишнупур, к деревне Бишнупур/Bishnupur, которой вскоре предстояло стать местом жестоких и отчаянных боёв. За пять дней нам пришлось пересечь несколько горных хребтов, протянувшихся с севера на юг; высота некоторых из них превышала 3000 футов. Погода была сырая и холодная, продовольственный паёк — крайне скудным, дорога — тяжёлой и труднопроходимой, и мы были безмерно благодарны судьбе, когда наконец преодолели последний хребет и увидели перед собой прекрасное плато Импахала/Imphal, окружённое холмами.

После этого последовал очень приятный месяц в Торбунге/Torbung, у 31-го дорожного столба на Тиддимской/Tiddim дороге, на красивом холме, откуда открывался вид на озеро Локтак/Loktak. У меня сохранились два личных воспоминания об этом месте. Именно там я впервые совершил полёт на самолёте. Один из американских пилотов взял меня с собой на своём двухместном самолёте. Сначала всё казалось приятной прогулкой, пока он не объявил, что собирается выполнить *подбор сообщения*. Затем он направил самолёт прямо на утёс, на вершине которого, словно футбольные ворота, стояли два шеста, соединённые верёвкой, к которой было прикреплено сообщение. Последнее, что я увидел перед тем, как закрыл глаза и вознёс последнюю молитву об упокоении моей души в вечности, — это огромный утёс, нависший прямо перед самолётом. Когда я снова открыл глаза, то увидел, глядя назад поверх хвоста самолёта, что «ворота» уже лежали на земле, а группа перепуганных людей лежала ничком. Мы справились с поставленной задачей!

Второе воспоминание связано с одним днём, когда лагерь посетил командующий 14-й Армией. К несчастью, его прибытие совпало с пожаром в бамбуковой хижине миномётчиков. Едва он вошёл в лагерь, как раздалась серия мощных взрывов, и те из нас, кто находился рядом с ним, были более чем благодарны за то, что он, как и подобает каждому хорошему генералу, проявил настоящий интерес к армейским кухням.

И вот, наконец, наступил великий день. Состоялся последний осмотр частей генералом Уингейтом, и некоторые из нас никогда не забудут его бородатое, покрытое веснушками лицо с пронзительными голубыми глазами. «Теория ведения войны проста: нужно создать своё оружие, а затем ввести его в жизненно важные органы противника. Вы, находящиеся в составе этих сил, и есть оружие, и вскоре вы будете введены в жизненно важные органы противника. Вы должны наносить удар за ударом — и наносить их сильно...» Нам выдали боевое снаряжение, а затем однажды ночью мы проснулись от звука пролетающих над нами самолётов. Там, словно призраки в бледном лунном свете, мы увидели самолёты DC-5, буксировавшие планеры на восток, в сторону Чиндуина/Chindwin. Это наши товарищи из 77-й Бригады отправлялись в путь. Жребий был брошен, приключение началось (*речь идет о 2-м рейде чиндитов, начавшемся в ферале 1944 года – ВК*). Должно быть, многие японские солдаты на фронте у Чиндуина в ту и последующие ночи с удивлением поднимали глаза к небу: «Что это приближается?» Вскоре им предстояло это узнать — и дорого за это заплатить.

Чиндиты грузятся на планеры...

Наше возбуждение нарастало. Это было лишь вопросом времени. Всё ли пройдет хорошо? Как отреагируют японцы? Встретят ли нас истребители или мы приземлимся под огнём? Наконец пришёл приказ о передвижении, и мы на грузовиках отправились в Бишенпур, а затем уныло двинулись пешком по пыльной дороге к Импаху. Наконец мы свернули к аэродрому и разбили лагерь неподалёку, чтобы провести там ночь. Следующим испытанием стала укладка нашего снаряжения. Нужно было каким-то образом запихнуть с собой шестидневный запас *K*-рационов — американских индивидуальных сухих пайков. В результате мы все оставляли после себя небольшие кучки вещей: полотенца, фуражки, шарфы, вилки — всё это отправлялось в категорию *на выброс*. Вечером мы переместились на аэродром, и вскоре нам выделили самолёт. Зрелище было впечатляющим. По обеим сторонам взлётно-посадочной полосы стояли в ряд *DC-5* — каждый представлял собой огромную серую птицу, рядом с которой находилась небольшая группа *чиндитов* и мулов.

Погрузка мулов в планеры...

И тут началось самое весёлое — погрузка мулов в самолёты! На каждый самолёт полагалось по три мула, и по меньшей мере один из них наверняка оказывался «несговорчивым». В нашем случае двое без особых проблем поднялись по трапу, но третий зверь явно обладал всеми задатками дезертира. Мы его уговаривали, тянули, толкали (осторожно!), били, но он лягался — всё было напрасно. Наконец, приложив совместные титанические усилия, мы каким-то образом затащили его по трапу. Бисмиллах/Слава Аллаху! — он оказался внутри. Но на этом веселье не закончилось, поскольку нельзя допустить, чтобы мулы начали бегать по самолёту после запуска двигателей. Поэтому нам пришлось пережить ещё немало тревожных минут, пока мы не привязали их надёжно в чем-то вроде бамбуковой конюшни.

Тем временем капитан Адье (Abye) стоял наготове с револьвером, чтобы пристрелить мулов, если всё пойдёт совсем плохо, когда самолёт начнёт движение. В самолёте

доктора, насколько я помню, старый *Сатана*, пони, сложенный почти как тяжеловоз, — едва не вырвался и, когда самолёт начал взлёт, принялся выделять что-то вроде румбы. Самолёт некоторое время раскачивался, словно качели, но в конце концов всё закончилось благополучно.

«Ну что, ребята, думаю, нам пора отправляться», — так дружелюбный американский пилот дал сигнал к вылету. Мы забрались внутрь, трап убрали, закрыли предохранительную дверь, внутренние огни погасли. Двигатели заревели, словно гром. Огромный самолёт задрожал, а затем, по мере того как двигатели завывали всё громче и громче, мы вдруг увидели, как огни аэродрома стремительно промелькнули мимо нас. Постепенно они остались внизу, аэродром превратился в правильный узор огней — и мы взлетели! Для большинства из нас это был первый полёт, и трудно было бы пожелать более захватывающего дебюта! Постепенно мулы успокоились, и мы начали петь, чтобы скоротать время. Уверенно руководил нами старший ротный сержант-майор Макдоналд/McDonald. Самолёт всё дальше и дальше углублялся во враждебную тьму. Кто-то заснул, другие сидели, всматриваясь через иллюминаторы в тёмные, лишённые каких-либо ориентиров джунгли внизу. Всё шло хорошо. Японские истребители по ночам не летают. Внезапно, примерно через час после начала полёта, мы увидели в джунглях две длинные линии ярких огней. Японский аэродром? Нет — потому что вдруг вспыхнули наши красные и зелёные бортовые огни. Должно быть, это *Бродвей/Broadway!* (одна из подготовленных для посадки самолетов в тылу противника взлетно-посадочных полос — ВК) — сияющий, словно его знаменитый тезка, прямо «в глубине» Бирмы! Зрелище казалось невероятным, словно цирковая арена, — дерзость, которую трудно было выразить словами. Но, снижаясь по кругу всё ближе, мы увидели, что другие самолёты беспрерывно садятся и взлетают. Наши сердца переполнялись гордостью при виде этого открытого вызова японцам. Круг за кругом, всё ниже и ниже — каким же будет приземление? Ведь это было всего лишь рисовое поле в самом сердце джунглей!

Вдруг двигатели сбавили обороты. Мы опускались всё ниже и ниже, а затем двигатели снова взревели, и огни посадочной полосы понеслись нам навстречу всё быстрее и быстрее. Казалось, деревья проносятся мимо иллюминаторов. Удар, ещё удар, ещё удар, из-под колёс посыпались искры — и вот мы благополучно приземлились, а огромный самолёт плавно зарулил на стоянку. Двери открылись, и мы выпрыгнули наружу. Мулов не пришлось подгонять, а пока мимо нас тарахтели джипы, мы встретили наших товарищей с других самолётов и двинулись с этого фантастического аэродрома к месту нашего расположения в джунглях. Японцев не было на многие мили вокруг, хотя самолёты приземлялись здесь каждую ночь уже более недели. В ту ночь был побит рекорд: самолёт каждые три минуты, всю ночь напролёт, — и ни одной потери. Более 5 000 человек, сотни животных и тонны снаряжения и боеприпасов были переброшены сюда. Новая глава была вписана в многовековую историю войны.

Чиндиты несут товарища, погибшего при приземлении планера...

О войне говорят, что человек помнит только хорошее, а плохое забывает. Отчасти это правда, но не полностью. Я уверен, что все мы живо помним счастливые дни — товарищество, возбуждение, чувство выполненного долга, золотую пагоду Швемьезу/Shwemyezu, сияющую в утренних солнечных лучах на фоне неподвижных вод озера Индавджи/Indawgyi, изысканное наслаждение от купания в горном ручье. Но спустя годы более мрачные эпизоды всё ещё способны причинять боль, когда вспоминаешь их: наши страдания, момент, когда пуля снайпера сразила товарища, внезапный страх, когда ночью появлялась угроза со стороны врага, одиночество и боль вдали от дома.

Воспоминания о наших первых днях в Бирме в основном счастливые. Правильно это или нет, но мы гордились тем, что считали себя лучшей колонной во всей дивизии с точки зрения подготовки. Заслуга в этом принадлежала нашему бригадиру Лентейну (Walter Lentaigne, 1899-1955) и нашему командиру Гиллеспи (Gillespie). В Бирме нас возглавлял *Бризи* Бреннан (*Breezy Brennan*), молодому здравому смыслу и мужеству которого мы все безоговорочно доверяли. Мы были готовы встретиться с кем угодно и с чем угодно. Офицеры, сержанты и младшие командиры были тщательно отобранными людьми — добровольцами, вызвавшимися для этой работы, — и мы представляли собой очень дружную и счастливую колонну.

Мы первый раз увидели «разъярённых японцев» с безопасного расстояния. Через день или около того после оставления *Бродвея*, когда мы двигались через густые болотистые джунгли, мы увидели японские истребители, пролетающие над нами по пути к *Бродвею*, чтобы атаковать его и уже приземлившиеся там *Спитфайры*/Spitfire. Но сами мы находились в безопасности: высокие деревья надёжно укрывали нас от воздушной атаки. Нам потребовалось около пяти дней непрерывного марша от *Бродвея* через Тора-Лвин/Thora-Lwin, расположенный на берегу Каукве-Чаунга/Kaukwe Chaung, чтобы достичь Мавлу/Mawlu, находившийся у железной дороги. Там бригадир Майк Калверт (Mike Calvert, 1913-1998) уже создал свой легендарный дорожный блокпост *White City* близ Хену/Henu. Из личных воспоминаний у меня осталось лишь то, как однажды вечером мы неожиданно встретили Калверта на марше, когда спускались с холма к месту привала неподалёку от Мавлу, в лесу. Он спросил, где командир нашей колонны, и трудно было поверить, что всего несколько часов назад этот человек участвовал в отчаянных ночных рукопашных схватках с японцами.

Наши приказы состояли в том, чтобы обойти Мавлу, продвинуться на запад и перерезать главную дорогу из Индава/Indawa в Хомалин/Homalin. Хотя мы тогда ещё этого не знали, японцы уже начали своё эпическое наступление через Чинские холмы/Chin Hills на Импхал и Индию, и нашей задачей было заблокировать артерию снабжения, питавшую этот удалённый фронт. Наш обход Мавлу привёл к самому невероятному ночному маршу из всех, которые нам когда-либо приходилось совершать. Весь день мы двигались через джунгли, прокладывая себе путь и помечая маршрут от дерева к дереву. Оставив находившийся под контролем японцев город далеко слева от нас, мы продолжали двигаться на юг. С наступлением ночи наша колонна всё ещё оставалась растянутой на многие мили — уязвимая и практически беспомощная — вдоль тропы, проходившей через Наткойин/Nathkoyin и другие деревни. Поскольку считалось жизненно важным перейти дорогу и железную дорогу примерно в пяти милях к югу от Мавлу ещё до рассвета, мы упорно продолжали движение. Ночь была тёмной, тёплой и безветренной. Тропу пересекало множество почти высохших русел (чаунгов) с высокими берегами. Мулы шарахались и спотыкались, люди натыкались на их задние ноги, ругались и чертыхались. В напряжённой тишине мы двигались по раскисшей глинистой тропе, проходя одну деревню за другой. Ощущение было жутким: мы знали, что за нами следят множество глаз, и гадали, не разорвёт ли вдруг эту тишину очередь пулемёта. К счастью, всё прошло

благополучно, и на рассвете мы собрались в назначенном месте возле дороги — совершенно измученные и голодные.

Не давая себе передышки, весь следующий день мы шли под палящим солнцем, без воды, через густые заросли бамбука и высокую траву. Был уже поздний вечер, когда мы наконец добрались до места привала. Мы были совершенно измотаны, отчаянно хотели пить и так же отчаянно хотели есть. Мой денщик Холмс (Holmes) и я набрали полный парашютный мешок тёмной, мутной воды из очень грязного чаунга, а затем приготовили самый замечательный чай, который я когда-либо пил, выпив подряд пять больших кружек. Ещё одно воспоминание об этом утомительном дне также связано с водой! Пока мы стояли в колонне и ждали, когда разведывательный дозор прорубит для нас проход через бамбуковые заросли, с переднего края колонны от человека к человеку передали сообщение: «Ропу». По мере передачи назад это сообщение последовательно превращалось в PANI, WATER, MORTAR — «ПАНИ», «ВОДА», «МИНОМЁТ» — и так далее. В результате, к великому изумлению человека, который первым передал сообщение, на его просьбу прислать вперёд пони примчался целый миномётный взвод.

День или около того спустя у нас произошла первая стычка с противником. Мы двинулись на юг, чтобы пересечь дорогу Индав—Бамаук/Bamauk и реку Меца-Чаунг/Meza-Chaung у Тонбу/Tonbu. Пока мы ждали среди редкого сухого тикового леса, оставив мулов, передовые дозоры устанавливали заслоны на дороге, и тут внезапно раздалась стрельба. Лейтенант Таг Уилсон (Tug Wilson) и ещё несколько человек неожиданно столкнулись с японцами в деревне. Было решено продолжать движение, и после того, как мы благополучно пересекли дорогу, нам пришлось перебежать через широкий мелкий брод вместе с мулами, находясь под лёгким огнём. Двое мулов были ранены, а другие едва избежали гибели, когда их пытались спасти, поскольку несколько грузов с радиооборудованием упали в поток. Полагаю, японцы тоже понесли потери, и мы были рады уйти на холмы, прежде чем японское подкрепление успело прибыть по дороге из Индава. Для раненых это был тяжёлый переход: один офицер BBC был ранен пулей, пробившей лёгкое, а один подофицер получил тяжёлое ранение руки. Тем не менее мы посадили их на наших вьючных животных и доставили к рисовым полям в пяти-шести милях отсюда. На рассвете мы отправили на *Бродвей* сигнал SOS с просьбой прислать лёгкий самолёт и всю ночь трудились, расчищая посадочную полосу на сухих рисовых полях. Какое же это было волнение на следующее утро — примерно в десять часов услышать пронзительный рёв двигателей лёгких самолётов, увидеть, как два самолёта осторожно кружат над нашей весьма примитивной посадочной площадкой, а затем смело ныряют между высокими деревьями и совершают безупречную посадку! Из самолётов вышли двое улыбающихся американцев — мы готовы были их расцеловать! Через несколько мгновений раненые уже были благополучно погружены на борт. Мы затаили дыхание, когда самолёты взлетели, едва не задев деревья. Через полчаса ребята уже были на *Бродвее*, а к наступлению ночи их благополучно доставили в базовый госпиталь в Силхете/Sylhet, где оба они успешно поправились. А мы тем временем продолжили свой путь, радуясь тому, что всё закончилось благополучно!

Моё единственное воспоминание — к сожалению, единственное — о пути к дороге Пинлебу/Pinlebu связано с одной ночью, проведённой в приятной деревне [качинов](#), где староста угостил некоторых из нас в своей бамбуковой хижине крепким рисовым пивом, которое подавалось прямо из бочки. Спешу добавить, что в полевых условиях в нашей колонне полагалось воздерживаться от алкоголя, и мы даже отказывались от положенной нам порции рома, когда она имелаась, — по вполне очевидным тактическим причинам...

Один день сменял другой, и различия в жизни на марше определялись главным образом характером местности, которую нам приходилось преодолевать. Иногда переход был вполне приятным — вдоль сухого русла *чаунга* или через сухие тиковые джунгли. Иногда же он становился отчаянно трудным: приходилось прорубать себе путь через острую

слоновую траву или с трудом подниматься и спускаться по скользким склонам холмов вместе с мулами. На рассвете мы поднимались, а затем почти сразу отправлялись в путь гуськом, так что утренняя чашка чая зачастую оказывалась невозможной. В зависимости от близости противника и необходимости сохранять скрытность мы продолжали равномерно двигаться почти до полудня. Тогда мы останавливались, чтобы дать мулам отдохнуть, а связистам — возможность установить радиосвязь. Затем снова в путь: пятьдесят минут марша — десять минут привала, и так до четырёх-пяти часов вечера, когда мы старались как можно тише войти и подойти к месту ночёвки и организовать оборону вокруг лагеря. Хорошим результатом считалось пройти за день 15–20 миль. Главными препятствиями для нас были дороги и ручьи. Чтобы вся колонна перешла дорогу, требовалось как минимум 15–20 минут, а за это время могло произойти многое.

Большая часть наших тщательно отработанных упражнений по устройству лагеря оказывалась бесполезной... Моё собственное место почти всегда оказывалось рядом с мулами — и, по целому ряду причин, которые нет необходимости уточнять, это было безопасное, но отнюдь не самое приятное место. Первыми приоритетами были чистка оружия и уход за мулами. Затем следовала получасовая «готовность», и наконец, когда подавалась команда с волшебными словами «stand down» — «отбой», — среди листьев начиналось шуршание множества людей, раздавался звук многочисленных топоров, рубивших дрова (несмотря на сердитые приказы этого не делать), и в одно мгновение зажигался свет от сотни костров. *Джоки* — шотландские солдаты — вскоре довели устройство полевых очагов до настоящего искусства. Два коротких толстых зелёных бревна, на которых поперёк лежали две длинных зелёных жерди, служили опорами для наших *диксу/диху* — полевых котелков. В ход также шли перекладыны от разбитых планеров и даже [шины Томаса](#). На всём этом сооружении готовились удивительно вкусные блюда. К-рационы, какими бы прекрасными они ни были по сравнению с кишаскими долгоносиками индийскими галетами, всё же отличались некоторым однообразием. К консервированной свинине требовался соус, чтобы это блюдо стало съедобным для голодных людей. Рис, когда его удавалось достать, был полезным дополнением к нашему рациону. Нашим собственным кулинарным шедевром был фруктовый кекс, который мы разламывали на куски и смешивали с галетами, шоколадом и сахаром, а затем варили в сахарном мешке. Так получалось блюдо под названием *plum duff* — своего рода сладкий пудинг.

Наши вводившие противника в заблуждение действия по маскировке лагеря просто заслуживали восхищения. Один несчастный бирманец-шпион, [работавший на японцев], впоследствии признался нашим людям в Моксо-Сакане/Mokso Sakan, что, услышав, как *джоки* рубят дрова, он сообщил японцам, будто здесь находятся «тысячи людей, которые валят деревья»! Мы усиливали эффект от этого полезного обмана, оставляя на земле большое количество жестяных банок из-под К-рационов, целлофановых обёрток и сигаретных пачек. Вначале мы были настолько глупы, что минировали оставленный нами лагерь растяжками с боевыми патронами. Однако поскольку это стоило нам услуг сапёра-сержанта и других людей из взвода, и при этом, судя по всему, никому, кроме случайно забредавших коров, никакого ущерба не причиняло, мы вскоре отказались от этой практики.

Именно в этот период до нас дошла весть о гибели Уингейта в авиакатастрофе. Это оказало решающее и весьма удручающее влияние на нашу дальнейшую судьбу — и в глубине души мы все это понимали. Наш бригадир Лентейн, сменивший его, был великолепным солдатом, но не обладал таким же влиянием на политиков и высшее военное командование. К этому времени 14-я Армия сражалась за само своё существование в [Импхале](#) и [Кохиме](#). [Уксусный Джо Стилуэлл](#) наконец добился своего, и наша первоначальная задача была отменена. Мы всё больше превращались не в передовые войска великого вторжения, а в мобильных партизан, призванных тревожить противника, нанося по нему удары с тыла. При том, что мы располагали исключительно

лёгким вооружением, это должно было стать крайне сложной задачей. Тем временем, к нашей радости, командование бригадой принял бригадир [Джек \(Джон\) Мастерс](#) (Jack Masters), впоследствии прославившийся как писатель. Нам по очереди с другими колоннами поручали выставлять 24-часовые дорожные блокпосты на дороге к Хомалину. Что касается непосредственно нас, то, за исключением одного почти трагического случая, когда один из взводов был подвергнут бомбардировке и пулемётному обстрелу нашими же самолётами, самым захватывающим событием этого периода стал один крупный бой с большой японской колонной.

Накануне я сам отсутствовал в колонне вместе с небольшим подразделением: мы эвакуировали трёх или четырёх больных и должны были доставить их к примитивной взлётно-посадочной полосе примерно в восьми милях от нас, у Эшина/Eshin. Само это путешествие оказалось приключением: по дороге мы заблудились и на ночь устроились в густых зарослях, совершенно не представляя, где именно находимся. Самолёты должны были прибыть на следующее утро в 10 часов, и на рассвете мы отчаянно поспешили вперёд, пока наконец не нашли нужную тропу. Однако ещё до того, как мы достигли пустой посадочной площадки, самолёты появились над нами. Они уже совершили свой последний круг, когда один из наших офицеров, пробежавший последний милью *a la Chris Chataway* — словно легкоатлет [Крис Чаттауэй](#), — выскочил на полосу, размахивая своей оранжевой картой (*речь идет о карте северной и центральной Бирмы, напечатанной на оранжевом шелке и выдаваемой чиндитами на случай потери ориентировки в джунглях – ВК*). Двое или трое из нас прибыли сразу после него, и мне впервые — и в последний раз за всю мою службу — выпало удовольствие подавать самолёту сигналы, размахивая руками! К сожалению, прямо на посадочной площадке случайно был ранен один стрелок, и поэтому одному из больных в последний момент пришлось сообщить, что эвакуировать его не смогут: он должен вернуться обратно в колонну. Это было для него тяжёлым разочарованием, которое он, однако, перенёс с настоящим *камеронским* мужеством!

Но на этом приключения эвакуированных не закончились. Через час нам сбросили сообщение с приказом отправиться на помощь экипажу одного из самолётов, совершившему вынужденную посадку на главной дороге. Мы находились в нескольких милях оттуда и ничего не могли с этим поделать. Однако, по-видимому, другой самолёт всё-таки приземлился, забрал больных, повреждённая машина была отремонтирована, и в конце концов все благополучно вернулись на *Бродвей*.

Когда мы вернулись к колонне, уже наступили сумерки. Наши товарищи устроили заслон на дороге — на невысоком холме, лишь слегка покрытом кустарником, который примыкал к изгибу дороги, проходившей на север через рисовое поле. Обзор и сектор обстрела в обоих направлениях были превосходными; бойцы хорошо окопались и установили мины-ловушки. После долгого перехода мы были совершенно измучены, поэтому нас осторожно провели через заслон к склону холма непосредственно за ним, где мы устроились на ночлег. Однако ощущение напряжённого ожидания не покидало нас, и я спал беспокойно, урывками. На рассвете меня разбудил странный звук — моторы. Они становились всё громче, всё ближе. Мы сидели в напряжении, ожидая того, что должно было произойти. И вдруг разверзся настоящий ад — в бой одновременно вступили миномёты, противотанковые гранатомёты *ПИАТ/PIAT*, пулемёты *Брен/Bren*, гранаты и винтовки. С того места, где находились мы, ничего не было видно, кроме дыма, поднимавшегося между деревьями чёрными клубами. Затем над гребнем холма прямо над нашими головами засвистел целый шквал пуль. Позже мы узнали, что это была «отвлекающая атака» одного из наших собственных взводов! Засада оказалась чрезвычайно успешной. По меньшей мере полдюжины вражеских грузовиков были взорваны и сожжены, а японцы понесли большие потери. Бой то затихал, то возобновлялся примерно в течение пяти часов, пока мы не отошли, оставив японцев на милость других колонн, находившихся дальше по дороге. Сами мы отделались сравнительно легко, но, к сожалению, потеряли любимого

офицера и прекрасного стрелка. Оба получили смертельные ранения и позднее в тот же день скончались. Это были наши первые боевые потери, и с тяжёлым сердцем мы похоронили их тела среди джунглей.

Примерно через три недели мы получили приказ снова двигаться на восток, к опорному пункту *Абердин*. Путь проходил через зелёную долину и был довольно приятным. Из всего путешествия мне запомнился только один эпизод — но зато очень счастливый. В прохладе вечерних сумерек мы провели небольшое богослужение, во время которого впервые смогли громко петь «Песни Господни на чужой земле». Я никогда не забуду момент, когда в первый раз увидел озеро Индауджи. Дальнейший путь на север от опорного пункта *Абердин* через заповедный лес Моксо оказался действительно очень трудным. После выхода из Абердина мы двигались вверх по Меза-Чаунгу, который, насколько я помню, за один день пересекали не менее девяти раз. Затем перед нами встал невероятно крутой подъём через хребты высотой почти 3000 футов. Однако от внезапного нападения противника мы были полностью защищены, а деревенские жители-*качины* были чрезвычайно дружелюбны и всячески нам помогали. Через несколько дней, ранним солнечным утром, мы увидели далеко внизу озеро, мерцавшее в ярком солнечном свете. Солнце играло бликами на золотом шпиле пагоды Швемьезу, находившейся прямо напротив небольшого городка Лонтон/Lonton. После стольких недель, проведённых в густых джунглях, это было великолепное и освежающее зрелище.

Мы провели в *Абердине* пару дней — название было дано в честь миссис Мэри Уингейт — и наслаждались отдыхом, одновременно пополняя запасы боеприпасов, продовольствия и одежды. Опорный пункт находился в совершенно неожиданном месте — на склоне длинной долины Меза-Чаунга, всего в 15–20 милях от небольшого городка Банмаук, расположенного на главной линии коммуникаций из Индава на запад. Тем не менее опорный пункт ни разу не подвергся нападению, если не считать воздушных атак, да и те были весьма безуспешными. Мы с удовольствием купались в тёплой мелкой воде *чаунга* и впервые за много недель смогли насладиться свежим хлебом. К югу от озера Индауджи местность была очень заболоченной, и мы медленно продвигались через неё к небольшой деревне Ампон/Ampon, где вступили в короткую перестрелку с одним или двумя бирманскими коллаборационистами. В остальном нас никто не беспокоил, и мы продолжили движение к пункту сбора в Моксо-Сакане, примерно на середине западного берега озера, которое само по себе имело около 15 миль в длину.

У меня сохранились два воспоминания об этих днях. Одно из них — печальное: похороны одного из бойцов нашего состоявшего из *каренцев* взвода, случайно погибшего во время чистки оружия. Я провёл погребальную службу на английском языке, а сержант переводил её на каренский. Они все были христианами, и это была очень трогательная церемония. Другое воспоминание связано с великолепным купанием на песчаном берегу в Хепу, в водах озера.

Перед тем как покинуть Моксо-Сакан и двинуться на восток через труднопроходимый горный хребет к Пинбау, я провёл богослужение накануне боя, поскольку мы все знали, что нам предстоит установить дорожно-железнодорожный заслон в этой долине — вместо блокпоста *White City* близ Мавлу, от которого пришлось отказаться. В конце богослужения я провёл короткую службу *Святого Причастия*, пригласив всех желающих из числа христиан принять участие. Один из наших лучших сержантов подошёл ко мне и спросил, может ли он принять причастие. Он не был причастником церкви, и мне были предоставлены честь и радость прямо тогда принять его в полное [литургическое] общение. Как же был рад, что сделал это: всего несколько дней спустя он погиб в бою.

Переход через холмы оказался трудным, особенно после того, как на вершине одного из них мы столкнулись с японским патрулем. Спустившись в долину, мы попали в густые бамбуковые заросли, пробиваясь через которые иногда требовалось потратить целый

день, чтобы продвинуться всего на пару миль. В конце концов мы достигли долины напротив небольшой деревни Намквин/Namkwin. Мы остановились на ночлег под проливным дождём, а ранним утром спустились к чаунгу возле холма, который нам предстояло занять, и уселись ждать команды трогаться в путь. Напряжение было невероятным. Час за часом проходили, пока бригадир проводил разведку; наши нервы были натянуты, как струны скрипки. Мы знали, что неприятности неизбежны — и что их будет предостаточно. Я отправился вдоль берега чаунга с другим офицером, чтобы обменять сигареты из своего пайка на шоколад, а на обратном пути остановился поболтать со старшим ротным сержантом-майором. Вдруг раздался громкий крик: «Берегись!», и все вдруг бросились вдоль берега в мою сторону. Я повернулся и побежал в том же направлении, но споткнулся о бревно и упал, а сверху на меня свалилось ещё около полудюжины человек. Раздался страшный взрыв — в самом центре группы штабистов случайно взорвалась граната. Несколько офицеров каким-то чудом избежали гибели, но один стрелок был убит, а двое офицеров и несколько стрелков получили ранения. Разумеется, все мы были сильно потрясены и с облегчением встретили наконец приказ двигаться.

Мы двинулись гуськом через джунгли, пересекли поле, прошли по глубокой каменистой ложине, пробившись через густую слоновую траву и наконец, после многочисленных задержек поднялись по крутому склону холма. В итоге мы оказались на возвышенности, поднимающейся примерно на 100 футов прямо над железнодорожной станцией и деревней Намквин. Внизу, в долине, раскинувшейся перед нами среди широких рисовых полей, деревня и станция лежали в лучах вечернего солнца. Долина здесь имела около трёх миль в ширину и тянулась строго с севера на юг. С обеих сторон её окружали покрытые лесом холмы. Однако дно долины большей частью представляло собой открытые рисовые поля, среди которых росли небольшие группы деревьев и кустарника. На железнодорожной станции мы увидели несколько вагонов и красные станционные здания. К северу и югу от нашего холма два крупных чаунга стекали вниз, чтобы соединиться с главной рекой, образуя широкую открытую долину вокруг нашего холма. Когда мы занимали позиции, произошло небольшое тревожное происшествие: раздалось несколько выстрелов, и по звуку, похоже, это был японский лёгкий пулемёт. Мы поспешно поднялись по склону и заняли позиции, после чего в ту ночь больше ничего не произошло.

Холм, на котором нас разместили, состоял из чётко выраженных выступов, соединённых между собой остроконечными гребнями. По форме он напоминал неправильную морскую звезду. Между вершинами проходили глубокие овраги с сухими каменистыми руслами. Перед долиной выступал округлый холмик, защищённый длинным невысоким гребнем. Позднее весь холм получил названия по аналогии с соответствующими позициями на поле для крикета: «deer» («глубокое поле»), «silly point», «bowler», «wicket» и т. д. Едва заняв позиции, мы сразу приступили к рытью окопов — почти буквально голыми руками, поскольку шанцевого инструмента пока было очень мало. Через несколько часов мой денщик и я смогли углубиться всего на два фута и около полуночи прекратили работу. Мы беспокойно проспали на вершине холма при тусклом свете луны до рассвета. На следующее утро нас переместили на противоположный склон холма, где под большим деревом почва была мягче. К вечеру, когда ожидалось нападение японцев, мы уже вырыли окоп глубиной по меньшей мере пять футов. Над окопом мы выровняли небольшую площадку, устроили маленькое кострище у ствола большого дерева и соорудили небольшую бамбуковую хижину-баша, чтобы укрываться от солнца.

Следующие несколько дней были довольно необычными. Мы находились на виду у противника, занимавшего вершину холма, но он нас не беспокоил — за исключением последних дней, когда начал действовать по ночам. Вскоре после наступления темноты второго дня над нами появились самолёты *Дакота/Dacota*. Они сбросили тонны колючей проволоки, продовольствия, боеприпасов, кирки, лопаты и многое другое на посадочную

площадку перед блокпостом. Всё это затем нам пришлось собирать и переносить примерно на четверть мили вверх по крутому склону, внутрь оборонительного периметра. Рисовые поля были выровнены под посадочную полосу, а тяжёлые бухты проволоки растянуты по всему холму. Вскоре он весь оказался опутанным проволочными заграждениями и заминирован ловушками. Поспать практически никому не удавалось. Всё зависело от того, насколько быстро мы сможем организовать блокпост для полноценной обороны. Если бы японцы на раннем этапе предприняли мощную атаку на посадочную площадку, вся наша позиция стала бы непригодной для обороны.

Через несколько дней японцы действительно атаковали, но не с западных холмов, как мы ожидали. Около роты японцев ночью атаковало северо-восточный угол, известный как *Deer*, переправившись через чаунг и просачиваясь через густую слоновою траву и бамбук. По-видимому, это был отряд из состава 18-й Дивизии, дислоцированной в Могаунге. Каждую ночь они шли прямо в лоб на позицию пулемёта *Брен*, туда, где проходила единственная линия проволочного заграждения перед ней. Для нас было большой удачей, что они поступали именно так, поскольку почти все остальные в это время находились у посадочной площадки перед блокпостом, занимаясь сбором сброшенных с самолётов грузов. Если бы они нанесли мощный удар между нашей пулеметной точкой и остальными оборонительными позициями, они оказались бы уже внутри периметра. В течение следующих четырёх ночей они атаковали одно и то же место. В конце концов японцы окопались настолько близко к проволочному заграждению и нашей позиции, что обстреливать их из миномётов стало невозможно: существовал риск попасть по собственным солдатам. На другой стороне *чаунга*, находясь в своих окопах, японцы почти непрерывно находились под огнем: их бомбили с воздуха и обстреливали из пулемётов и миномётов практически без передышки. Наконец появился бомбардировщик *Мумчелл/Mitchell* и сбросил на их позиции на холме парашютные мины. После этого японцы ушли.

Тем временем работы по оборудованию блокпоста значительно продвинулись. Все мулы были благополучно отправлены обратно через холмы, а из *Бродвея* прибыли подкрепления. После нескольких досадных задержек наконец прибыли планеры с бульдозером и грейдером. На рассвете *Дакоты* доставили их на буксире, кружась над долиной перед нами. Планеры отцепились и плавно пошли вниз к посадочной площадке. Вдруг со стороны деревни и железнодорожной станции Намквин раздалась ружейно-пулеметная стрельба, и, к нашему ужасу, один планер рухнул прямо на рисовое поле. Другой благополучно приземлился, но внезапно свернул с полосы и разбился. Остальные совершили посадку «на брюхо» прямо на полосе или рядом с ней. Мы подвергли деревню миномётному обстрелу и выслали боевой патруль, но японцы уже ушли. Два американских пилота-планерника погибли, другие получили тяжёлые ранения, однако бульдозер бодро выкатился из носовой части одного из разбитых планеров и, по-видимому, совершенно не пострадал. Однако грейдер и другая землеройная техника были сильно повреждены, поэтому наше дальнейшее строительство задержалось на два или три дня, пока мы ждали новые машины.

Тревожное затишье продолжалось. Весь день бульдозер грохотал взад и вперёд по посадочной полосе перед нами, а люди бродили по полю, собирая сброшенные припасы. Внутри блокпоста днём мы разводили костры, кипятили чай и могли беспрепятственно передвигаться, при этом все это просматривалось со стороны лежавшей внизу долины. По ночам к станции подходил японский поезд, подавал гудок и затем снова уходил. Наконец посадочная полоса была готова, и однажды ночью приземлилась первая *Дакота* — это было огромное достижение для инженерных частей и ВВС. До этого момента от опорного пункта *Блэкпул* было мало пользы, поскольку без 25-фунтовых орудий мы не могли блокировать с холма ни автомобильную, ни железную дорогу. Миномёты едва доставали до них, и они находились за пределами эффективной дальности наших пулемётов.

среднего калибра. Прибыли четыре 25-фунтовых орудия и несколько зенитных пушек, и с помощью джипа, прибывшего вместе с ними, все они были установлены на позициях. Однако мы оказались в крайне невыгодном положении из-за отсутствия достаточного количества мобильных сил, поскольку бригада, которая должна была прийти нам на помощь, всё ещё находилась за много миль отсюда. Без неё мы не могли одновременно оборонять блокпост и контролировать позиции в окружающих джунглях.

Некоторые странные воспоминания об этих первых, относительно спокойных днях на опорном пункте *Блэкпул* всё же сохранились. Недалеко от Пинлебу мы захватили маленького чёрного пони с длинным хвостом и длинной мордой. Капрал Норберри (Тщкиуккн) взял его под своё покровительство, назвал *Тоджо* и сделал талисманом 26-й Колонны. Каждый день он спускался к ручью и приносил несколько [чагулов](#) воды для полкового медицинского пункта (RAP — Regimental Aid Post). В нашем собственном окопе никаких особых происшествий не было, за исключением одной ночи, когда распространился слух, что японцы, вероятно, собираются атаковать наш сектор обороны. По этой причине к нам прибыл взвод из английского полка. Капрал явно нервничал и после того, как ему пришлось провести целый час, вглядываясь в тёмные бамбуковые заросли и слыша лишь стрекотание сверчков, решил, что что-то услышал, и бросил туда гранату. Не прошло и минуты, как ещё сорок гранат полетели с соседних позиций, и началось настоящее импровизированное сражение. Остановить его удалось только старшему ротному сержанту-майору, который, рискуя собственной жизнью, пришёл и приказал нашим людям прекратить огонь. Наступил рассвет — ни одного японца, ни живого, ни мёртвого, в овраге внизу обнаружено не было!

Примерно через десять дней японцы начали атаковать всерьёз. Однажды вечером на посадочной полосе с оглушительным грохотом разорвался первый вражеский снаряд, и менее чем за полчаса повреждённые и лишённые возможности взлететь *Дакоты* превратились в груды обломков. На следующее утро сам блокпост подвергся сильному артиллерийскому обстрелу, который затем становился всё более ожесточённым каждое утро и каждый вечер. Посадочная полоса стала совершенно непригодной для использования, и нас вынудили укрыться внутри огражденного проволокой периметра. Основная атака началась на юго-восточном углу блокпоста, и именно нашим людям пришлось защищать самый опасный участок. Я помню ночь, когда они заступили туда. Полковник *Бризи* Бреннан отправился днём на разведку позиции, и именно в этот момент снаряд попал прямо в угол окопа, в котором он укрывался вместе с лейтенантом Тагом Уилсоном и сержантом Джоном. Бедняга Уилсон погиб на месте, Джон получил лёгкое ранение, а Бризи был сильно потрясён, но остался невредим. Хотя мы совершенно обоснованно ожидали мощной атаки с наступлением ночи, он не дрогнул и в полной темноте без единой заминки выполнил сложную задачу по смене взводов, передав участок частям Йоркширской Легкой Пехоты Короля.

После этого погода начала ухудшаться. Хотя командованию удалось перебросить через долину из *Бродвея* кое-какие подкрепления, наше положение постепенно становилось крайне тяжелым. В те дни мне каждый вечер выпадала честь проводить вместе с офицерами и сержантами молитву. Думаю, мы все ощущали реальность и необходимость этих коротких богослужений. Одной из наиболее «забавных» особенностей жизни на блокпосту было то, с каким упорством *джоки* продолжали заниматься обустройством полевых кухонь. Японцы каждое утро на рассвете начинали обстреливать нас, и в течение пары часов снаряды и миномётные мины почти непрерывно падали по всей территории блокпоста, пока мы сидели, согнувшись в три погибели в своих щелях и окопах. Нашим артиллеристам доставалось больше всего, поскольку они находились на открытой местности и были хорошо видны противнику, и один за другим их огневые позиции уничтожались. Наш передовой медицинский пункт также находился в опасном месте, и военный врач, доктор Тейлор (Taylor), заслуживал величайшей похвалы за свою работу.

Для остальных из нас артиллерийский обстрел был сравнительно безвредным — хотя, конечно, крайне неприятным. Обычно около 8 часов утра японцы прекращали огонь на время своего завтрака, и после этого, словно по волшебству, *джоки* вылезали из своих укрытий и разжигали десятки костров по всему блокпосту. Лишь ближе к концу японские артиллеристы начали применять орудие типа *whizz-bang*, снаряд которого прилетал практически одновременно со звуком выстрела. До этого у нас было достаточно времени: после далёкого грохота орудия мы успевали сосчитать до пятнадцати и прыгнуть в ближайшую стрелковую ячейку, прежде чем туда прилетал снаряд.

В течение последней недели нам пришлось полностью перейти на доставку припасов по воздуху: BBC доставляли их нам, сбрасывая их непосредственно внутрь блокпоста. Самолёты выполняли эти сбросы, пролетая на очень малой высоте над блокпостом, чтобы обеспечить точность. Это требовало огромного мужества: пилоты выполняли свою задачу под сильным огнём противника, как всегда проявляя исключительную надёжность и мастерство.

Эвакуацию с опорного пункта *Блэкупул* забыть невозможно. В конце концов нашим частям буквально пришлось бежать, а наша колонна выполняла роль арьергарда. И всё же почти всем удалось выбраться, даже самым тяжелораненым, потому что японцы каким-то чудом оставили нам путь для отхода. Приказ об эвакуации поступил рано утром 25 мая, когда ночью противник большими силами прорвался через проволочное заграждение и проник непосредственно внутрь блокпоста. Единственный путь отхода лежал на север — через широкое открытое поле, а затем вверх по Намквинскому *чаунгу* - широкой реке, вода в которой быстро текла и доходила до колен. К счастью, большинство из нас успело пересечь поле до того, как японские пулемёты открыли огонь. Весь день вверх по руслу реки тянулся измученный поток людей. Они с трудом продвигались вперёд, то переходя его вброд, то выходя из воды, поскольку тропа постоянно пересекала русло реки то в одну, то в другую сторону. Первыми шли раненые — большинство на своих двоих, прихрамывая, ковыляя, а некоторые даже ползли. Несколько тяжелораненых несли на бамбуковых носилках. Многие из них были в лохмотьях, некоторые совершенно голые. Среди них было немало настоящих героев — людей, которые, испытывая постоянную мучительную боль, продолжали идти, несмотря на тяжёлые ранения груди, переломы рук, раненые ноги и ступни. Они всё шли и шли под проливным дождём, а мы гнали их дальше, потому что это было всё, что мы могли сделать. Гнали дальше, в сторону гор, где можно было укрыться от противника, преследования которого мы ежечасно ожидали. Но японцы так и не появились. Вскоре к нам присоединился арьергард, и к наступлению темноты между нами и блокпостом уже было несколько миль. Ночью мы устроились в зелёных, кишящих пиявками джунглях у реки. Дождь шёл всю ночь, но мы были благодарны за то, что нас никто не беспокоил. На следующий день мы двинулись дальше по мучительно скользкой горной тропе и к наступлению ночи достигли ещё одного глубокого ущелья. Там мы организовали временный перевязочный пункт. К этому времени мы соединились с несколькими подразделениями западноафриканцев, которые оказали нам огромную помощь и обеспечили прикрытие. Они вырыли на склоне ступени на протяжении нескольких миль, поделились с нами своими пайками и соорудили для раненых небольшие бамбуковые шалаши, покрытые листьями банановых пальм. К наступлению темноты большинство раненых и больных уже догнало нас. Им дали горячего чая, а врачи обработали их раны и дали необходимые лекарства. К сожалению, нам очень не хватало медикаментов...

Западноафриканские солдаты в Бирме

С наступлением ночи пошёл дождь. Вскоре началась тропическая гроза, за которой последовал сильный дождь, продолжавшийся всю ночь. Спать было невозможно, и мы с моим денщиком сидели, тесно прижавшись друг к другу под разорванным плащом-накидкой из газонепроницаемой ткани, дрожа от холода и время от времени постанывая, чтобы хоть как-то дать выход своим чувствам. С первыми лучами света я с благодарностью поднялся на ноги и посмотрел вниз, на каменистую площадку, где располагался перевязочный пункт. Дождь всё ещё беспощадно лил. Все бамбуковые шалаши рухнули - теперь раненые, почти полностью скрытые листьями и промокшими одеялами, лежали в грязи, неподвижные и безмолвные. Развести костры и приготовить горячую еду было невозможно. Мы заставили их двигаться — вперёд, вперёд, вверх и через горный хребет, к отдыху, пище и безопасности. Мы снова собрались в Моксо-Сакане, на дальней стороне хребта, и услышали множество удивительных рассказов о том, как люди пробирались через холмы и спасались от противника. Стало очевидно, что, хотя сами мы, находясь на блокпосту, понесли большие потери, у японцев, атаковавших его, они были значительно более тяжёлыми.

Блэкпул, хотя и не смог выполнить первоначальную задачу по блокированию автомобильной и железной дорог, более десяти дней сковывал целый японский полк и тем самым не позволил ему перебросить столь необходимое подкрепление своим передовым формированиям в Импахале и Могаунге. Многие из наших людей были тяжело ранены и пострадали от переохлаждения и воздействия непогоды, и в различных домах и монастырях вокруг озера были организованы небольшие полевые госпитали. Мы с моим денщиком устроили своего рода промежуточный пункт питания — *Stage Door Canteen* — между Моксо-Саканом и пристанью в Хепу и раздавали чай тем, кто спускался к озеру.

Эвакуация раненых с помощью летающей лодки Sutherland

Одним из самых захватывающих воспоминаний того периода стало прибытие *Мэгги*, летающей лодки типа *Sutherland*, для эвакуации наших раненых. Она совершила чрезвычайно опасный и рискованный перелёт от побережья через горы, чтобы совершить посадку на нашем озере и эвакуировать больных и раненых. Это была исключительно смелая и успешная операция, и я никогда не забуду то волнение, которое испытал, сидя на холме Шведаунг в северной части озера и наблюдая, как она величественно кружит над озером, готовясь к безупречной посадке и оставляя за собой белый пенистый след. За каждый рейс она забирала 40 раненых.

И наконец — ещё одно личное воспоминание: однажды я сам приземлился на лёгком самолёте в Варадзупе/Warazup после захватывающего полёта сквозь грозу и низкие туманы. Мой старый враг — дизентерия — снова меня настиг, и примерно за две недели до того, как саму колонну вывезли по воздуху, мне, к моему большому сожалению, пришлось её покинуть. Прошло некоторое время, прежде чем я снова встретился с батальоном, поскольку несколько недель провёл в госпитале. Когда же мы наконец встретились, я обнаружил, что они завершили кампанию столь же мужественно и успешно, как и начали её. Они приняли участие в успешном штурме Могаунга, который японцы обороняли с самоубийственной стойкостью. Оглядываясь назад спустя столько лет, я могу сказать лишь одно: хотя мне самому казалось, что я сделал очень мало для этих солдат и их офицеров, я считаю огромной честью и привилегией то, что мне довелось быть рядом с ними.

У *Камеронцев* множество боевых наград и за плечами великая история, но боевой путь 1-го Батальона в Бирме займёт среди них достойное и почётное место. Для всех нас, кто принимал в ней участие, это был незабываемый опыт. Мало кто из нас захотел бы пройти через такое ещё раз, но никто из нас не хотел бы, чтобы ему пришлось это пропустить.

<https://burmastarmemorial.org/archive/stories/1405937-rev-donald-mackay>

МЭННИ КЁРТИС (MANNY CURTIS, 1924-2007)

Южно-Ланкаширский Полк

Интервью взято в 2005 году

Я получил повестку в июне 1943 года. Центр базовой подготовки (Primary Training Centre), куда мне надлежало явиться, находился в Фулфорде, Йорк. Начальную военную подготовку я проходил в Стрелковой Бригаде/Rifle Brigade — в том же полку, в котором мой отец служил во время ПМВ. Как раз тогда в процедуру призыва была введена новая система, призванная гарантировать, чтобы «квадратные колышки не попадали в круглые отверстия», то есть, людей старались направлять на подходящую им службу. Во время беседы со мной *офицер по отбору личного состава/personnel selection officer* отметил мой интерес к рисованию и живописи и предложил мне поступить не в строевой полк, а в одно из специальных подразделений. Он даже предложил Королевский Инженерный Корпус, где я мог бы пройти курс картографии и маскировки и получить звание сержанта. Меня это вполне устраивало. Затем он спросил, в каком роду войск я меньше всего хотел бы служить, и я по глупости ответил: в пехоте.

После шести недель в Йорке меня направили в Пехотный учебный центр в Формби, недалеко от Ливерпуля. Затем я оказался в Сассексе, потом ненадолго на Оркнейских островах, а после этого — на более длительный срок — в Лаферморе, в графстве Антрим. Затем, едва вернувшись из небольшого отпуска домой, я получил ещё 14 дней отпуска перед отправкой на фронт. Это было неплохой новостью, поскольку до меня доходил один

слух за другим о том, что нас отправят на Итальянский фронт. Меня это вполне устраивало, потому что в Италии я никогда не был. После отпуска я прибыл в Уишоу/Wishow, в Ланаркшире, откуда нас доставили в Гринок/Greenock, недалеко от Глазго, погрузили на самое большое судно, который я когда-либо видел, и мы отправились в путь. Примерно через двадцать минут, за которые я успел найти удобное местечко, где можно было провести время до прибытия в Италию, судно остановилось. Я поднялся на палубу посмотреть, что происходит, и увидел, что мы остановились рядом с огромной стальной стеной. Подняв взгляд на эту стальную стену, я увидел несколько голов, смотревших на нас сверху. Оказалось, что судно, на котором мы находились, был всего лишь паромом, который доставил нас к огромному 24-тысячетонному лайнеру *Strathaird* компании P&O. Я прекрасно понимал, почему индийские члены экипажа не хотели говорить нам, сколько времени займёт путь до Италии: в 1940-е годы безопасность была чрезвычайно важным вопросом. Им, должно быть, заранее приказали говорить, что мы направляемся в Бомбей, и я это вполне одобрял. Но когда мы прошли через Порт-Саид и вошли в Красное море, у меня начали появляться сомнения относительно того, доберёмся ли мы вообще когда-нибудь до Италии...

В итоге мы прибыли в Бомбей, откуда, посреди сезона дождей, отправились в Деолали/Deolali. Очень скоро я подхватил малярию. Это была «клиническая» форма, то есть довольно лёгкая. Вскоре 127-й Индийский Базовый Военный Госпиталь поставил меня на ноги, но затем меня свалил штамм *BT*, с которым пришлось бороться несколько дольше. Из-за этого я пропустил подготовку к боевым действиям в джунглях, которую остальные проходили где-то в горах. Когда я наконец присоединился ко 2-му Батальону, это произошло после пятидневного путешествия на поезде из Бомбея в Калькутту, затем до Читтагонга и далее по Брахмапутре. После этого состоялся мой первый в жизни полёт — ночью мы отправились в Нагаленд, а затем последовал долгий и опасный переезд через Нагские холмы. Индийский водитель пел всю дорогу, просто чтобы не заснуть за рулём. Наконец мы присоединились к батальону, дислоцированному в Кохима, на севере Бирмы. Там совсем недавно прошли исключительно ожесточенные бои. Это было сражение, которое, надо сказать, изменило весь ход войны в Бирме. Повсюду лежали человеческие тела и части тел, но ни кусочка плоти на них уже не было — бесчисленные насекомые расправились с ней с невероятной быстротой задолго до того, как у какой-либо из сторон появилась возможность похоронить погибших.

Для 2-го Батальона Южно-Ланкаширского полка Кохима стала отправной точкой того, что в итоге превратилось в 500-мильный марш через всю страну с полной выкладкой. Еще нам пришлось нести пружину от ПИАТа — противотанкового оружия пехоты. Да-да, самого ПИАТа у нас не было — только пружина! Мы не смели её выбросить: она числилась за нами, то есть была официально закреплена за нашим подразделением. Так, по-вашему, кому же выпала честь её нести? Да, мне, вашему покорному слуге. Наш транспорт состоял из каравана вьючных мулов, которыми управляли индийские погонщики. Они несли на себе тяжёлые грузы — боеприпасы, бурдюки с водой и тому подобное, — но десятифунтовую пружину от РІАТ на них грузить не стали! На протяжении этого долгого марша мы постоянно закапывали всё, что нам было не нужно. Но эта проклятая пружина числилась среди нашего снаряжения, поэтому избавиться от неё мы не могли!

Мы спустились с холмов через Импхал, преодолели *Шоколадную лестницу* — так её называли из-за глубокого липкого грязевого месива, покрывавшего все эти горные хребты, — прошли через Таму/Tama и Тиддим/Tiddim, а затем наконец вышли из густых тиковых джунглей на равнины центральной Бирмы. Рождество 1944 года мы отмечали где-то в районе Таму. По этому случаю офицеры поднимали бокалы с виски; все остальные чины — с ромом. Произошла небольшая неприятность, когда кто-то поменял ром на виски, но самым запоминающимся эпизодом — и настоящей причиной, по которой я вообще упоминаю то Рождество, — был человек по имени Эллен (Allen), повар нашей роты. Мы

разожгли костёр, вокруг которого все собрались. От каждого ожидалось, что он расскажет анекдот, прочтает стихотворение, споёт песню — в общем, сделает что-нибудь, но Эллен отказался делать вообще что-либо, а в армейских условиях это было практически самоубийством. Все взгляды устремились на него, и в конце концов его удалось уговорить встать и выступить. Он запел:

*Я люблю яичницу с беконом,
я люблю яичницу с беконом,
но если вы думаете, что я собираюсь петь,
то вы, вашу мать, ошибаетесь!*

Как говорится, все просто покатались со смеху.

К концу января 1945 года, когда мы прибыли в городок под названием Пакоку/Пакоки, расположенный на берегу Иравади, я имел огромное «удовольствие» подхватить следующую, ещё более тяжёлую разновидность малярии — *MT*. До этого я уже кое-как перенёс приступ лихорадки денге, но, несмотря на ежедневный приём мепакрина, который должен был защищать нас от проклятых комаров, меня всё-таки нашел комар, который не прочитал инструкцию на упаковке. Кроме того, я уже перенес *гнилую стопу* — а кто из нас этого не перенёс? — *потницей/prickly heat*, тропическими язвами, лихорадкой от укусов москитов и дизентерией, но малярия *MT* была чем-то совершенно особенным. Меня доставили в местный передовой «госпиталь», который представлял собой не более чем небольшой палаточный лагерь, обслуживаемый замечательной группой медиков-добровольцев. Пока я там находился, этот «госпиталь» посетил сам генерал [Билл Слим](#) (William Slim) — тогда он ещё имел это звание. Перед его приездом полы подмели. Под словом «полы» я имею в виду не что иное, как высохшую грязь, так что можете себе представить, сколько пыли поднялось! А затем появился великий человек. Бирмингемец. И действительно, он был великим человеком. Он находил время для каждого. Когда он услышал, что я служу в Южно-Ланкаширском полку, он почему-то очень обрадовался. Он посоветовал мне как можно скорее вернуться в батальон, поскольку у него для нас была «довольно специальная работа».

Мне никто не предоставил возможности возразить: через день-два меня выписали как годного к службе. Затем последовало несколько нелегких дней, которые я потратил на то, чтобы добраться до своей части. Первую ночь я провёл возле аэродрома, наблюдая, как три *Харрикейна/Hurricane* заходят на посадку, совершенно не подозревая, что за ними следует четвёртый самолёт — японский. Незванный гость сбросил две бомбы, превратив *Харрикейны* в груды обломков и оставив на взлётно-посадочной полосе пару неприятных воронок, после чего развернулся и отправился обратно, откуда прилетел. На следующий день я рано утром двинулся в путь, но батальона в Пакоку уже не было — он переместился вдоль западного берега реки, напротив небольшой деревни Ньяунгу/Nyaungu. Я прибыл туда очень поздно ночью 13 февраля 1945 года и был встречен майором *Томми Кейси* (Tommy Casey), командиром нашей роты. Он сообщил мне, что нас выбрали в качестве ударного батальона, которому предстояло переправиться на удерживаемый противником восточный берег реки. Кодовое название операции было *Bechers Brook*, а нашей роте — Роте С — была оказана «честь» стать первой, кто переправится через реку в 03.30, задолго до рассвета. Мы должны были захватить плацдарм и тем самым осуществить отвлекающий манёвр, чтобы вызвать на себя огонь противника, пока остальные части батальона будут переправляться вслед за нами на рассвете. Затем он показал мне аэрофотоснимки местности. В самом узком месте река имела чуть больше мили в ширину. Напротив нас на другом берегу находился небольшой пляж, над которым возвышалась 100-футовая скала. В отвесной стене этой скалы были вырублены пять или шесть ниш, в которых находились наблюдательные посты противника. Затем он сказал, что сам будет находиться в первой лодке, а я отправлюсь вместе с ним и ещё шестью или восемью людьми.

Лодки были брезентовыми, и через реку мы переправлялись, гребя вёслами. Несмотря на лунную ночь и наличие пяти или шести часовых — которые, к нашему огромному облегчению, очевидно, все крепко спали, — вся рота из 200 человек благополучно и без сопротивления переправилась через реку. Мы высадились на небольшом пляже и поднялись по крутому руслу *чаунга* — высохшего водотока, — в том месте, которое было точно обозначено на аэрофотоснимках. Затем, как и планировалось, повернули налево и вышли на вершину скалы. В этом секторе фронта находились две войсковые группировки противника. Чисто случайно мы высадились между ними, поэтому непосредственного сопротивления не встретили. Мы окопались на вершине скалы и стали ждать рассвета и подхода остальных подразделений нашего батальона. За проявленное командирское мастерство майор Кейси был награждён *Военным Крестом/Military Cross* — и совершенно заслуженно.

Но с рассветом разверзся ад. Остальная часть батальона оказалась в тяжелейшем положении. Несколько лодок получили пробоины прямо посреди реки, на других отказали подвесные моторы, а сильное течение сносило лодки вниз по реке — прямо под огонь японских пулемётов. Это превратилось во вторую [бойню в День святого Валентина](#). С нашей позиции на вершине скалы мы ничем не могли им помочь. Некоторые из нас вскоре вернулись на пляж внизу и вытащили из реки два или три тела. В нескольких футах над моей стрелковой ячейкой пронёсся одиночный японский истребитель, и один из наших парней, у которого нашлось время, чтобы это сделать, выстрелил по нему. Он самолёт не сбил, но, направившись к западному берегу, тот был встречен огнем зениток и был уничтожен. В ходе той утренней переправы мы потеряли 27 хороших ребят. Среди них был 26-летний манчестерец Алек Коэн (Alec Cohen), радист нашей роты. Пуля вошла ему прямо в спину, пробив его радиостанцию. Я упоминаю его потому, что, пройдя курс армейской радиосвязи, я теперь должен был заменить его — вместе с радиостанцией, продырявленной пулей. Не могу вспомнить, что произошло с этой проклятой пружиной от ПИАТа, но, должно быть, после моего приступа малярии, её передали какому-нибудь другому неопытному новичку. Но зато мне теперь пришлось таскать гораздо более тяжёлую радиостанцию №18.

Не помню точно где и когда, но наших военнослужащих-евреев посетил армейский [иудейский] капеллан, Лью (Lew). Мы сидели и разговаривали в укрытии, устроенном в вырытой под машину яме, и определить в нем капеллана было совсем нетрудно. Это был человек, который выглядел совершенно безупречно — в чистой, аккуратной, хрустящей, совершенно новой форме от фирмы *Alkit*, — тогда как все остальные из нас выглядели весьма потрёпанно. В следующий раз я встретился с ним в марте 1950 года, в синагоге на Шэкклвелл-лейн/Shacklewell Lane, в день моей свадьбы. Я понятия не имел, что именно он будет проводить церемонию. Мы стояли и разговаривали, и ни один из нас не заметил, что моя невеста стояла рядом и спрашивала, не стоит ли ей прийти на следующей неделе!

На протяжении значительной части нашего долгого марша мы не были точно уверены, какой сегодня день недели, да это и не имело особого значения — один день был очень похож на другой. Но поскольку я служил радистом, у меня была возможность хотя бы знать, когда наступает суббота, потому что именно по субботам я настраивался на частоту *American Forces Network*, где впервые услышал молодого певца из оркестра [Томми Дорси](#) (Tommy Dorsey) по имени [Фрэнк Синатра](#) (Frank Sinatra).

Мы часто передвигались по ночам, делая десятиминутный привал каждый час. После переправы через реку война приобрела какой-то странный характер. Противник уже давно применял то, что стало известно как *Jitter Raids* — беспокоящие рейды. Когда мы разбивали лагерь на ночь, мы натягивали вокруг него кольцевое ограждение из колючей проволоки. Затем привязывали к проволоке пустые консервные банки и клали внутрь несколько камешков. Если японцы попытались бы подкрасться к нам, грохот камней должен был предупредить нас — если, конечно, это раньше не сделали наши часовые! Но

японцы отправляли всего двух или трёх человек. Они бесшумно подкрадывались к проволоке, привязывали концы длинных верёвок к ней в нескольких местах вокруг нашего лагеря и отступали на безопасное расстояние. Затем они начинали стрелять из различных имевшихся у них видов оружия и запускали петарды, одновременно дёргая за верёвки. Создавалось впечатление, будто мы полностью окружены. Во время этих беспокоящих рейдов нам практически не удавалось поспать, зато нервотрепки от них было предостаточно. Однажды один из наших парней по фамилии Беннетт (Bennett) оказался слишком щедрым на ручные гранаты — словно завтра вообще не существовало, он швырял их в сторону японцев, которые нас выслеживали. И случилось так, что это самое «завтра» было двадцатым первым днём рождения Беннетта, поэтому мы все скинулись и подарили ему целый ящик гранат. Но самый значимый момент Беннетта произошёл раньше — когда он получил пулю в каблук своего башмака. Её туда загнал японский солдат, когда мы наконец вступили с ними в бой у Ньяунгу.

Через некоторое время мы оказались в Чауке/Chauk, где вновь переправились через реку в Летсе/Letse, на западном берегу Иравади. Особенно мне запомнился эпизод со слонихой и её детёнышем. Мама помогала собирать части [моста Бейли/Bailey](#), но малыш не хотел отходить от неё. Всё, что мы могли видеть от младенца, — это его хобот, служивший ему чем-то вроде дыхательной трубки, тогда как всё остальное тело было полностью погружено в реку. Мы переправлялись по плавучим секциям моста и встретили нескольких офицеров и подофицеров [Восточноафриканской Дивизии](#), которая только что получило основательную трёпку у Сейкпу/Seikpu, после чего рядовые разбежались, бросив своих офицеров, сержантов и капралов.

(За эту информацию я должен поблагодарить артиллериста Берта Уилкинса (Bert Wilikins). Он большую часть пути был придан нашему батальону из состава одной из частей Королевской артиллерии и обслуживал свою 3-дюймовую миномётную установку, которую во многих случаях использовал с превосходным результатом. Например, однажды он выпустил 252 мины примерно за пятнадцать минут, прежде чем сам был ранен, когда его рота также попала в засаду у Сейкпу. Впервые мы с Бертом встретились снова только шестьдесят лет спустя!)

Именно во время нашего пребывания в Летсе-Боксе/Letse Box произошло несколько происшествий. Сначала мы выслали вперед небольшой разведывательный патруль. Вскоре после этого послышалась стрельба, доносившаяся, как нам показалось, примерно с расстояния в полумиллю: наш патруль попал в беду. Как последний идиот, я нарушил одно из самых непреложных правил пехоты: взобрался на ближайший холм и встал на фоне неба, чтобы посмотреть, что там происходит. Я стоял рядом с небольшой пагодой на самой вершине холма. Вдруг раздался выстрел, и в стене пагоды появилась пулевая пробоина... Интересно, это стрелок был не настолько хорош, как ему следовало бы быть, или же его оружейник отвратительно отрегулировал прицел? Как бы там ни было, я был бесконечно благодарен судьбе за это. Патруль вернулся с одним раненым капралом и ещё одним 36-летним солдатом, которого товарищи поддерживали под руки. Он опирался на винтовку как на костыль и горько жаловался: «Я слишком стар для таких забав!» Капрал был высоким, красивым парнем примерно 26 лет, родом из района Манчестера. Там, где когда-то был его живот, теперь зияла огромная рана. Я находился рядом с военным врачом, который оказывал ему помощь. Капрал попросил пить. Я посмотрел на врача, тот кивнул, соглашаясь, и передал мне кусок ватного тампона, смоченного водой, чтобы раненый мог его посасывать. Ужаснее всего было смотреть, как он высасывает воду и видеть, как она тут же стекает прямо в массу искрученных и разорванных кишечников. Вскоре после этого он умер.

Также в Летсе с нами находился капитан Льюис (Lewis) из Валлийского полка/Welch Regiment, прикомандированный к батальону. Мы уже два или три дня оставались без воды и сосали гладкие камешки, чтобы хоть немного увлажнить рот. 30 марта он слетел с

катушек и в итоге умер. В Летсе прибыл новый офицер. Он был родом из Ист-Хэма/East Ham в Лондоне и говорил на таком невероятно выразительном КОКНИ, какой только можно себе представить. Ростом он был около пяти футов двух дюймов и настаивал, чтобы все называли его Джим. Такая фамильярность со стороны офицера оказалась совершенно контрпродуктивной. Никто не чувствовал себя рядом с ним непринуждённо, и его отправили обратно туда, откуда он прибыл, — *pdq - pretty damn quick*, то есть «чертовски быстро». Интересно, что с ним в конце концов стало?

Муссон уже приближался, и когда Рангун наконец был отбит, мы находились где-то к югу от Проме/Prome — хотя, возможно, даже к северу от города, — когда нас отправили на то, что в шутку называли *операциями по зачистке*. Оставалось несколько очагов японского сопротивления, и это означало, что приходилось посылать патрули различной численности и с разными задачами. Японцы всегда были опасным и беспощадным противником, и пленных обычно никто не брал, но один из патрулей нашей роты всё же взял пленного. Он был ранен, и его принесли на носилках. Когда я его увидел, он всё ещё лежал на носилках возле глубокой расселины. Он не говорил по-английски, а я не говорил по-японски, но он показал мне фотографию своей семьи. Ему было всего шестнадцать лет — на четыре года меньше, чем мне! Должен признаться, мне стало его жаль. Я показал ему жестами, что принесу чашку чая — как раз в это время мы готовили чай. Когда я вернулся, его нигде не было. Тогда я заглянул вниз, в расселину, и увидел далеко внизу носилки и этого парнишку. Я мог только предполагать, кто столкнул его туда. Я просто не знаю - никто не видел, как это произошло. Полагаю, это одна из особенностей войны, но, оглядываясь назад из нашей безопасной временной дали, очень легко и совершенно безопасно читать другим нравоучения. Но кто может сказать хотя бы с малейшей степенью уверенности, что этот мальчик не сделал бы — или, возможно, уже не сделал — то же самое с кем-нибудь из наших? А если вспомнить Кохиму и Импахал, он вполне мог оказаться способным на такое — даже в столь юном возрасте.

Была небольшая деревня — возможно, где-то в направлении Пегу, — где нам предстояло сменить находившийся там отряд западноафриканцев. Мы подошли к ней ранним утром. Меня назначили головным разведчиком. Это было не настолько опасное назначение, как может показаться, поскольку противник обычно позволял головному разведчику пройти невредимым, чтобы оценить численность группы, которую он вёл за собой. Я решил встать на большом бревне у входа в нее и оттуда направлять остальных, и тут мы ясно поняли, почему здесь не было часового и почему нас не встретил и не остановил ни один африканский солдат. Японцы побывали здесь до нашего прихода, и слово «резня» едва ли могло описать то, что предстало перед нами. Радист всё ещё находился на своём месте — в замаскированной стрелковой ячейке, в наушниках. Он был заколот несколькими ударами штыком. В живых не осталось ни одного человека, который мог бы рассказать, что здесь произошло - мы могли только догадываться. Все это место было пропитано запахом смерти... Наконец я выбрал место, где можно было прилечь примерно на час на травянистом берегу, и заснул. Когда я проснулся, стало очевидно, почему именно там, где я лежал, запах смерти был настолько сильным: «куст», рядом с которым, как мне казалось, я лежал, оказался убитым западноафриканцем. При утреннем свете я также увидел, что бревно, на котором я ранее стоял, тоже было трупом западноафриканского солдата. Те, кому довелось через такое пройти, знают, что запах смерти — это не то, что забывается быстро. После этого у меня окончательно исчезли все остававшиеся сомнения. Да, я действительно считаю, что тот молодой японский солдат вполне мог с удовольствием принять участие в этой кровавой бойне...

Недалеко от ещё одной небольшой деревни по дороге к Пегу — кажется, это была Магве/Magwe, но я действительно не могу вспомнить — находилась полевая батарея Королевской артиллерии. Японцы постоянно её беспокоили, и артиллеристы попросили предоставить им пехотное прикрытие. Мы оказались ближе всех, поэтому именно нас и

выбрали для этой задачи. Их капитан объяснил, что японцы, закрепившиеся на соседнем холме, каждый день в пять часов вечера начинали интенсивный артиллерийский обстрел. Он показал нам границу дальности их огня, и мы начали рыть окопы на безопасной, как мы считали, стороне этой линии. Вы когда-нибудь пробовали вырыть стрелковую ячейку в песчанике? Приближалось пять часов, а мне удалось углубиться всего примерно на восемнадцать дюймов, когда начался обстрел, и тут выяснилось одно из двух: либо тот артиллерийский офицер насочинял, либо японцы передвинули свои орудия вперёд, — но мы обнаружили, что находимся прямо в зоне их артиллерийского огня. Обстрел был довольно сильным, и по сей день я помню, как на меня сыпались обломки песчаника после взрыва снаряда, разорвавшегося слишком уж близко. Затем, всего в нескольких футах слева от меня, я увидел, что загорелся наш бивуак. Там находились ящики с боеприпасами, гранаты, миномётные мины и ужин майора — живой цыплёнок, который по случайности оказался на его пути. Если всё это взлетит на воздух... даже думать не хочется о последствиях. А поскольку я находился ближе всех, первым узнать об этом пришлось бы именно мне! К счастью, мне удалось вытащить боеприпасы из огня, после чего я быстро прочитал короткую погребальную молитву по цыплёнку. Я видел, как денщика одного из офицеров взрыв подбросил высоко в воздух и швырнул на дерево. Одного из наших мулов тоже подбросило вверх, и он при этом выплеснул на нас целый бурдюк воды. Думаю, мы отделались сравнительно легко. Сматывались мы из зоны обстрела чертовски быстро!

Нам необходимо было сбить роту японцев с холма — и чем скорее, тем лучше, но сказать было гораздо легче, чем сделать. Мы пробовали использовать миномёты, пробовали атаковать непосредственно. Майор Кейси даже предложил провести штыковую атаку (и это вверх по склону!). Японцы имели панорамный обзор всей местности, поэтому внезапная атака была совершенно невозможна. Мы запросили и получили нашу первую и единственную непосредственную авиационную поддержку. Она состояла из шести *Харрикейнов-бомбардировщиков/Hurri bombers* — истребителей, несущих по одной бомбе под каждым крылом. Самолёты относились к Королевским ВВС Индии, а операцией руководил офицер связи RAF. Это был очень высокий рыжеволосый мужчина с такими же рыжими усами. План был прост. Первый самолёт сбрасывал свои бомбы, а второй выполнял имитационный заход, не давая японцам поднять головы, пока наш взвод продвигался вперёд. Затем следовал настоящий бомбовый заход, пока наши ребята оставались на месте. Потом снова имитационный заход — и так далее. Моя радиостанция была включена, а офицер RAF пользовался моим микрофоном для управления операцией. И тут возникла проблема: один из самолётов сбросил свои бомбы во время того, что должно было быть имитационным заходом, и наш взвод понёс потери, когда двигался вперёд. Когда пилот понял свою ошибку, он извинился и спросил, следует ли ему сделать ещё один заход. Офицер связи пришёл в ярость и разразился потоком ругательств, которыми даже торговцы с лотков на Роман-роуд/Roman Road (*улица в Лондоне, известная своим рынком – ВК*) не осмелились бы воспользоваться. Он приказал пилоту возвращаться на базу, пообещав разобраться с ним позднее. Самолёт развернулся и ушёл, оставив остальные машины закончить работу. Всё прошло успешно, и японцев сбили с позиции. Больше они нам неприятностей не доставляли.

Однако, когда я уже собирался выключить радиостанцию, я принял вызов от станции радиоперехвата/*beetle station*, расположенной в Канди, на Цейлоне. Обычно такие станции обслуживали женщины из Женской Королевской Военно-Морской Службы/*Women's Royal Naval Service - WRNS*, так называемые *Wrens*, которые прослушивали эфир главным образом для сбора разведывательной информации. Милый голосок с явно выраженным провинциальным английским акцентом пожаловался на «недопустимую лексику», использовавшуюся в эфире, и потребовал прекратить дальнейшее употребление подобных выражений. Офицер RAF взорвался! Он вырвал у меня микрофон и на своём лучшем армейском языке объяснил ей, что она вмешивается в ход войны, а затем сообщил, что она может сделать со своей [...] станцией. Пока всё это происходило, наш

командир, подполковник Митчелл, спросил меня, что случилось. Когда я рассказал ему, он сам решил поговорить с несчастной девушкой из Канди и без особых усилий переплюнул офицера RAF — причём выражения были настолько крепкими, что заставили бы покраснеть тех самых торговцев с лотков на Роман-роуд. Он дал ей ещё более подробные инструкции относительно того, что именно она может сделать со своим микрофоном.

К тому времени я находился в Бирме уже почти год. Мы были в Пегу, рядом с покрытыми бамбуковыми джунглями горами Пегу-Йома/Pegu Yoma, где до войны охотились на тигров. Там укрывалось несколько японских отрядов, и нам было приказано выкурить их оттуда. Это происходило в самый разгар сезона муссонов, и невозможно описать словами, насколько дождливым может быть настоящий муссон. Примерно тогда одна из этих японских групп решила пару раз пальнуть по нам из минометов, и я получил крошечный металлический осколок в такое место, о котором я вспоминаю всякий раз, когда собираюсь сесть. Однажды я и еще несколько парней отправились за хворостом, чтобы вскипятить воду и приготовить чай. Когда вода начала закипать, я с ужасом понял, что где-то там оставил свою винтовку. В 1916 году за это мне полагалась бы смертная казнь, а в 1945-м — всего лишь военный трибунал. Ни то, ни другое меня не устраивало, поэтому, даже не сказав остальным, куда и зачем иду, я повернул обратно и отправился искать винтовку. Представьте моё облегчение, когда я обнаружил её именно там, где оставил! Я уже повернулся, чтобы пройти обратно те самые сто или около того ярдов, как меня охватил новый ужас: на небольшом земляном бугорке прямо справа от меня я увидел японскую стальную каску — вместе с её обладателем. Он стоял ко мне спиной и меня не заметил. Думаю, обратные сто ярдов обратно я преодолел с олимпийским рекордом скорости. Я рассказал одному из наших офицеров, что видел, но не стал объяснять обстоятельства. Он попросил меня отвести его туда. Я повёл его окольным путём, и тут мы поняли: это вовсе не японцы! Это были военнослужащие [Индийской Национальной Армии](#) (INA), которых чаще называли джиффами/Jiffs (*жаргонная, ставшая прозвищем аббревиатура определений Japanese-Indian Fifth-Columnists или Japanese-Inspired Freedom Fighters – ВК*). Они сражались на стороне японцев, но теперь собирались сдаться первому британскому подразделению, которое встретят. У них не было ни винтовок, ни боеприпасов, и их было всего трое или четверо. Они не представляли никакой угрозы, и я понятия не имею, что с ними произошло потом, хотя в тот момент их дальнейшая судьба могла быть немалым поводом для беспокойства.

Вернемся к патрулям в горах Пегу-Йома: во время одного из них я заболел паратифом. Я изо всех сил старался избавиться от него, но безрезультатно, и едва мог стоять без посторонней поддержки, не говоря уже о том, чтобы работать со своей радиостанцией. В тех джунглях обычная антенна была бесполезна, поэтому мы использовали волочащуюся антенну, и тогда я стал, как мне кажется, участником своего рода первого случая в истории, когда армейский радист оказался сидящим верхом на слоне. Именно таким образом я выбрался из Пегу-Йомы. За мной прислали самолёт *Auster L5*, которым управлял американский доброволец. Он вывез меня в главный госпиталь Рангуна, где, в довершение всего, я умудрился подхватить ещё и гепатит А. Оттуда меня перевели в госпиталь в Секундерабаде на плато Декан.

А затем появился *Fat Boy* (*речь идет об атомной бомбе – ВК*), и вместе с ним наступил настоящий повод для того, чтобы возрадоваться! Если смотреть на события с такой большой временной дистанции, легко осудить применение атомной бомбы как варварский и бессмысленный поступок. Но и это было бы неправильно — ужасающе неправильно. Я бы пошёл ещё дальше и сказал: преступно неправильно. Конечно, когда это произошло, 60 000 японцев были убиты или получили увечья. Но если бы обычная война продолжилась и союзные войска вторглись на территорию Японии, число погибших было бы намного больше, и потери продолжались бы гораздо дольше. Подумайте об этих 60 000, теперь удвойте число, потом удвойте его ещё раз и ещё раз, и тогда вы начнёте приближаться к

тем масштабам потерь, которые понесли бы американцы, британцы и войска стран Содружества, а также, конечно, сами японцы. С этой бомбой война закончилась в течение нескольких дней, и это неоспоримый факт. Просто невозможно человеку, который не находился там и не пережил ад [Блицы](#) и бомбардировок [ракетами Фау](#), или не принадлежал к тем бесчисленным миллионам, которые отдали свои жизни, потеряли близких или целые семьи и просто исчезли с лица земли, понять ту радость и неопишное облегчение, которые вызвало известие об этой бомбе и вместе с ним — об окончании войны. Как я уже сказал и повторяю ещё раз, это действительно было время великой радости. И ещё одна мысль для тех, кто критикует применение атомной бомбы: если бы Германия или Япония разработали эту бомбу раньше нас — а ведь всё было очень близко к этому, — было бы просто нелепо утверждать, что они не применили бы её против нас.

Вскоре после этого меня самолётом отправили обратно в Великобританию. Из Секундерабада мы добрались на самолёте *Beechcraft* до Дели, а затем до Карачи. Там мы пересели на полупустую *Дакоту*. Пилот сказал нам, что мы полетим над Агрой/Agra и Тадж-Махалом/Taj Mahal. По его словам, лучше всего смотреть на него на закате — примерно в то время, когда мы должны были пролетать над ним. Он снизился на чрезвычайно малую высоту, и это зрелище действительно оказалось захватывающе прекрасным. Сначала он облетел Тадж-Махал с одной стороны, затем развернулся и облетел его ещё раз. После этого он сказал, что сделает ещё один круг, чтобы воспоминание о Тадж-Махале осталось с нами навсегда. Он, конечно, оказался совершенно прав. Оттуда мы полетели дальше по маршруту Басра - Багдад - Эль-Адам - Каир - Мальту - Гибралтар, а затем в Хёрн/Hern, откуда я позвонил домой — разумеется, с оплатой разговора за счёт вызываемого абонента! Для моих домашних это была огромная радость. Мои родители понятия не имели, что я уже направляюсь домой. Мне хотелось, чтобы это стало большим сюрпризом — и именно таким сюрпризом оно и оказалось. Но это было ещё не совсем конец истории...

Я приехал домой в ноябре, и погода была отвратительной. Я не мог решить, какое из двух зол меньше — холод и сырость или тепло и сырость! После отпуска меня направили в Карк-ин-Картмел/Cark-in-Cartmel, в самый глухой уголок Ланкашира. Затем я получил назначение «по месту жительства» — в армейское подразделение, находившееся ближе всего к Роман-роуд. Им оказался Виктория-парк в Хэрни/Hackney, всего в нескольких минутах езды от дома на велосипеде. Там размещалось подразделение Корпуса Инженеров. Я пробыл там пару месяцев — до начала марта, когда погода всё ещё была леденяще холодной. Мне казалось, что я начинаю простужаться. Ничего особенного, поэтому я попытался не обращать на это внимания, но болезнь взяла верх, и я слёг. Мне было ужасно плохо. Всё, что я помню после этого — лишь отдельные, перемежавшиеся моменты ясного сознания, — происходило примерно в следующем порядке: (1) мой брат дал мне леденец, чтобы я его сосал, (2) меня на носилках внесли в машину скорой помощи, (3) меня на носилках внесли по ступеням Лондонского госпиталя, (4) затем я осознал, что всё ещё сосу леденец, и мне мерещилось, будто я нахожусь в армейском грузовике. Похоже, я был довольно буйным, поэтому на моей кровати закрепили специальные борта. После этого наступили полный покой и абсолютное спокойствие. Я понятия не имел, как долго находился в коме, — более того, даже не осознавал, что вообще был в коме. Одно было совершенно точно: это была не простуда - это был ещё один приступ малярии, только на этот раз — тяжелейшая форма: церебральная (или спинномозговая) малярия, которая переросла в менингизм — состояние с симптомами, характерными для менингита. Я совершенно не представляю, как долго находился «вне тела», но события следующего периода помню настолько ясно, словно они произошли совсем недавно. У меня были явления, которые впоследствии стали широко известны как *внетелесные переживания*/ *out-of-body experiences*. Поскольку всё происходившее было настолько невероятно прекрасным и спокойным, я совершенно не хотел возвращаться в своё тело — оно для меня ничего не значило. К сожалению, сколько бы я ни сопротивлялся, у медиков были на

этот счёт совершенно другие планы. Я видел самого себя, лежащего на кровати, находясь где-то высоко под потолком. Там были два мужчины — один в белом халате, другой в гражданском костюме. Рядом с ними находилась старшая сестра отделения. Мне было совершенно безразлично, что там, внизу, происходит. Я находился в том, что могу описать лишь как тёплое и чрезвычайно приятное сияние. После ещё нескольких подобных «эпизодов» я обнаружил себя снова в палате, отчаянно сопротивляющимся какой-то силе, которая словно пыталась вернуть меня обратно в собственное тело. Я сопротивлялся, я изо всех сил боролся, но затем — совершенно безболезненный толчок, скорее ощущение осознания происходящего, — и я проиграл эту борьбу. Я поднёс руку к основанию позвоночника и почувствовал там пластырь. Двое мужчин исчезли. Старшей сестры тоже не было. Когда я смог говорить, я спросил сестру, кто были эти двое мужчин. Я никогда не видел настолько бурной реакции. Она чуть ли не «вышла из себя», ушла и вернулась вместе с врачом, который попросил меня описать этих двух мужчин. Это было нетрудно, но я совершенно не понимал, из-за чего весь этот переполох. Оказалось, что эти двое были врачами, которых вызвали из Госпиталя тропических болезней, находившегося тогда в Миллбанке. Они пришли, пока я находился «вне тела», и ушли ещё до того, как я пришёл в сознание. Пластырь остался на том месте, где мне провели люмбальную пункцию, чтобы реанимировать меня. Я находился в госпитале с 8 марта по 16 июня 1946 года. После этого меня отправили на пару недель на восстановление в лагерь Ричмонд-Парк, а затем направили в Барроу-ин-Фернесс/Barrow-in-Furness, где в Далтоне находилось небольшое армейское подразделение, в котором содержалось около тридцати немецких военнопленных...

После того как в ноябре 1947 года меня демобилизовали, в 1950 году я женился, а в 1960 году открыл в Клэптоне магазин по продаже и обслуживанию газового оборудования *Gas Board Dealership*. Однажды к нам зашла покупательница узнать, когда ей доставят кухонную плиту. Было время обеда, и я знал, что склад в Стрэтфорде в это время не работает, но всё же позвонил туда, хотя и не ожидал ответа. Но мне ответили. Я сказал мужчине, поднявшему трубку, что удивительно застать кого-то там во время обеденного перерыва. Он объяснил, что никогда не ходит обедать — из-за проблем с желудком он приносит с собой бутерброды. Я совершенно не могу объяснить, почему мне вообще пришло в голову это спросить, но вдруг услышал собственный голос: «Это что-нибудь, что вы подхватили в Бирме?» Он был ошеломлён, и я тоже. «Как вы узнали?» — спросил он. Затем он решил, что кто-то из его приятелей разыгрывает его. Когда я заверил его, что это чистейшее совпадение, он всё равно мне не поверил. Тогда я спросил его, знает ли он что-нибудь о *битл-станциях* и шести *Харрибомберах*. Это был он - тот самый офицер связи RAF, о котором я рассказывал ранее. Самое странное во всём этом — почему вообще я задал ему тот первый вопрос. Я действительно не знаю. После Бирмы я его больше не встречал и после того телефонного разговора тоже никогда его не видел и не слышал.

Мэнни Кёртис на склоне лет

В феврале 2005 года мы с женой отправились в Бирму в рамках программы Большой национальной лотереи *Heroes Return/Возвращение героев* (финансируемая за счет лотереи программа грантов, позволяющих ветеранам совершать путешествия на места боев – ВК). Это были самые невероятные десять дней, которые я могу вспомнить. Мы были вместе с замечательными людьми — ветеранами, их друзьями и членами их семей. Наше возвращение в Бирму было связано с памятью о тех страшных событиях и потому, что 60 лет назад мы вместе пережили там всё это. И знаете что? Эти десять дней в 2005 году сделали всё пережитое стоящим того...

Мы посетили военное кладбище Тауккьян в Рангуне, где увековечена память более чем ста моих бывших товарищей из 2-го Батальона Южно-Ланкаширского полка. Кладбище прекрасно содержится и является идеальным местом упокоения. Посетив могилы всех 27 человек, погибших при переправе через Иравади в 1945 году, я испытал в то утро множество самых разных чувств и переживаний, но ушёл оттуда я совершенно воодушевлённым. Нас доставили самолётом в Ньяунгу — небольшую деревню неподалёку от Пагана, на берегу Иравади, — а оттуда мы отправились на прогулку на моторной лодке. Я всматривался в окружающую местность, пытаюсь найти что-нибудь знакомое. Но ведь прошло шестьдесят лет! И вдруг — вот оно! Мы прибыли прямо на то самое место, где шли боевые действия все эти годы назад... И вот она — та самая скала, в точности такая, какую сохранила моя память. Мы находились у подножия той высокой скалы, на которую я в последний раз взбирался 14 февраля 1945 года. Я повёл группу вверх по тому самому чаунгу, надеясь добраться до вершины скалы. Ничего не изменилось. Мы поднимались всё выше и выше, и тут я вспомнил, что прежде, чем повернуть налево и выйти на вершину скалы, нам нужно было сначала повернуть направо. Всё было настолько знакомым... Но за шестьдесят лет наш маршрут успел зарости растительностью, которая была не хуже колючей проволоки. Без мачете пройти было невозможно. Какое разочарование — ведь до вершины оставалось всего несколько футов! Наша лодка внизу оттуда казалась значительно меньше. Роджер Палфрей (Roger Palfrey), бывший офицер, который остался в лодке, потом сказал мне, что чем выше мы поднимались, тем быстрее, казалось, двигались, и, как он выразился: «Годы просто исчезли».

Но этот эпизод дал мне гораздо более важное понимание. Он напомнил мне, насколько мне повезло.

После войны Мэнни Кёртис приобрел известность как художник-карикатурист и создатель комиксов, его работы публиковались во многих известных британских и американских печатных изданиях.

<https://burmastarmemorial.org/archive/stories/1405950-time-was-manny-curtis?q=>

<https://downthetubes.net/in-memori-am-manny-curtis/>

Перевод – ИИ, редакция – Владимир Крупник

Возврат к главной странице www.warsstory.org

